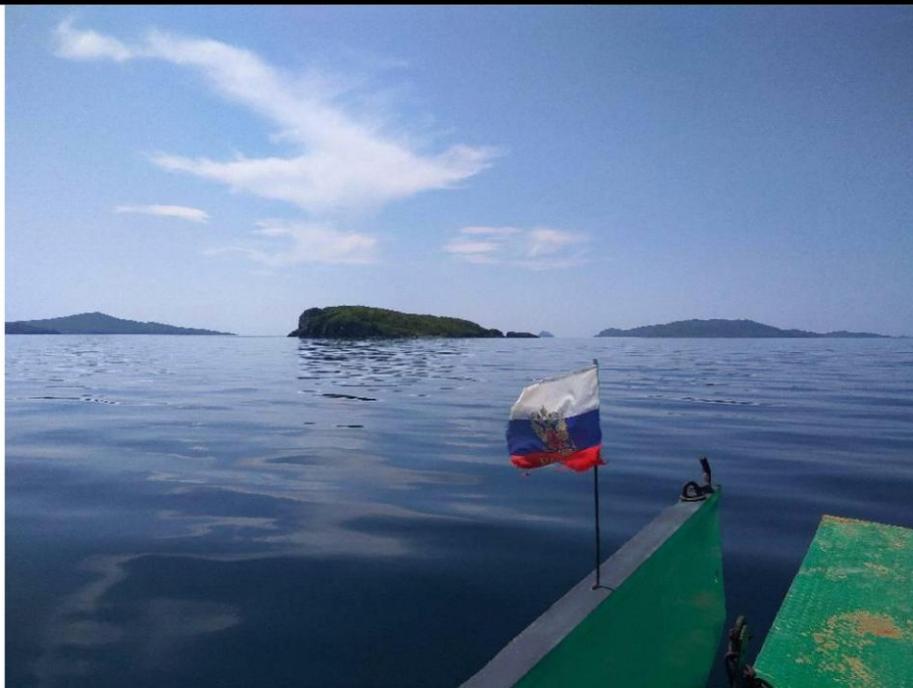

Комплексные исследования островных обществ Дальнего Востока

**сборник
материалов**

Владивосток
2017

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST FEBRAS

ЦЕНТР ОСТРОВНОЙ И ПРИБРЕЖНОЙ АНТРОПОЛОГИИ АТР

DEPARTMENT OF ISLAND AND COASTAL ANTHROPOLOGY
OF ASIA-PACIFIC REGION

**КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОСТРОВНЫХ ОБЩЕСТВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

(сборник материалов)

Integrated Studies of Island Communities of the Far East

(collection of materials)

Владивосток
2017

УДК: 394+397+902/904+903.42+908 +911.3+911.5

Комплексные исследования островных обществ Дальнего Востока: сборник материалов / отв. за вып. Ю.В. Латушко. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. Вып. 1. – 75 с.

Сборник содержит материалы исследований островных территорий Дальнего Востока России и посвящен широкому спектру проблем современных исторических, археологических, этнологических и биогеографических исследований. В центре внимания - островные культуры и социумы, процесс их исторического формирования, анализ взаимодействия человека и природы, а также общих и специфических черт развития отдельных островных сообществ на протяжении истории. Основной упор делается на изучении мелко и среднемасштабных островов северной части Тихого океана – от залива Петра Великого до Командорских и Курильских островов. Также показаны примеры междисциплинарного взаимодействия при изучении таких сложных объектов как острова.

Для специалистов, аспирантов, студентов, а также более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и географии островных обществ Российского Дальнего Востока.

**Работа выполнена при поддержке гранта
Русского географического общества**

проект №01/2015-Р «Ландшафты и культурная эволюция островных сообществ Российского Дальнего Востока (Курилы, Командоры, акватория залива Петра Великого)»

Integrated Studies of Island Communities of the Russian Far East: a collection of materials / ed. by Yurii Latushko. - Vladivostok: IIAE FEB RAS, 2017. Issue. 1. - 75 p.

The collection contains of research papers of the island territories of the Far East of Russia studies. It is devoted to a wide range of problems of actual historical, archaeological, ethnological and biogeographical research. The focus is on island cultures and societies, the process of their historical formation, the analysis of human-nature interaction, and the general and specific features of the development of some island communities throughout history. The study of small and medium-sized islands of the North Pacific Ocean - from the Gulf of Peter the Great to the Commander and Kuril Islands is in spotlight too. Cases of interdisciplinary interaction in the study of such complex objects as islands are also shown.

For experts, students and post-graduate students, and for more a wide range of readers, who interested in questions of history and geography of Russian Far East island societies.

Ответственный за выпуск: канд. ист. наук Ю.В. Латушко

Рецензенты: д-р ист. наук Ю.Е. Вострецов, канд. геогр. наук В.В. Жариков

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

ISBN 978-5-9906119-8-6

©ИИАЭ ДВО РАН, 2017

**Вместо введения: биогеографический и культурологический
подходы к исследованию островных обществ**

На просторах Тихого океана в разных климатических зонах расположены тысячи больших и малых островов. Значительная их часть вулканического происхождения – это вершины больших подводных гор, часто действующих вулканов, которые, соединяясь воображаемой линией, образуют, так называемое, огненное кольцо, разграничивая океанические и материковые платформы. Встречаются в Тихом океане и сравнительно небольшие приматериковые острова, которые в недалёком прошлом были неотъемлемой частью материка, возле которого они расположены. В тёплых субэкваториальных и экваториальных водах мы видим как острова в буквальном смысле становятся памятником многовековой деятельности морских беспозвоночных – коралловых полипов, возникая как бы из ниоткуда. Такие острова называют атоллами. При всем разнообразии, важнейшей географической особенностью островных территорий является их сравнительная изолированность от материковой суши. Это обстоятельство в совокупности с высокой интенсивностью проявления экстремальных природных процессов позволяет рассматривать мелко и среднемасштабные острова как модельные природные геосистемы. Будучи достаточно экстремальными по условиям обитания, они почти не оставляли человеку права на ошибку. Если принять за аксиому тезис о том, что культура – это вне-биологический способ адаптации людей к природному окружению, то можно с уверенностью говорить об её островном своеобразии. Социальные институты, формы контроля над территорией и ресурсами, материальная и духовная культура, в конечном счёте, определяли адаптивный потенциал островных сообществ Тихого океана, что с кросс-культурной точки зрения даёт богатый материал для научных исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

В настоящем выпуске будет освещён ряд сюжетов научного изучения островных территорий Тихого океана, рассмотренных на фоне общих проблем современной островной и прибрежной антропологии. Последнюю мы предлагаем понимать предметно максимально широко как корпус наук, изучающих изменчивость человека во времени и пространстве. Вместе с тем, по вполне понятным причинам, акцент нашего выпуска будет всё-таки социо-гуманитарным. Здесь же отметим, что мы

не претендуем на тотальный анализ проблемы, скорее это предложение к дальнейшему диалогу и проверка актуального состояния исследовательского поля.

Следует сразу сказать, что биогеографический подход к изучению островов являлся исторически первой формой научного осмысления сложных природных и социальных процессов на них. На каком-то этапе развития, когда антропологическое знание проходило фазу становления, возник культурологический взгляд на те же объекты исследования. Эмансипация двух подходов никогда не была абсолютной, они взаимодополняли друг друга. Биогеографическое и экологическое мышление позволяло уподоблять и объяснять социальные процессы природным. Но это же и ограничивало эвристическую ценность такого подхода, так как количество нелогичных исключений в поведении и культуре островитян подрывало веру в обоснованность самого принципа «органицизма». Колебания маятника научного саморазвития и общественные потребности на современном этапе вновь толкают представителей разных научных дисциплин к поиску общего языка, и островные территории, как и ранее, служат прекрасной «естественной лабораторией» для отработки такого рода взаимодействия.

Для лучшего понимания островной проблематики мы предлагаем читателю небольшой экскурс в исследовательское поле отечественной и зарубежной науки. Ключевыми здесь будут вопросы начального заселения островов, эксплуатации их ограниченных ресурсов и проблема баланса культурной и природной систем на разных исторических этапах.

Трудности и разночтения начинаются уже с дефиниций. Что собой представляет остров? Ответ кажется очевидным и известен из школьных уроков географии – сушу, со всех сторон окруженную водой. Однако биогеографы выделяют «обитаемые острова» в самостоятельную категорию, либо трактуют данный термин широко, применительно к любым изолированным участкам суши, где в роли изолятора выступают не только большие водные массивы, но и горы, пустыни и т.п. Наоборот, такие «карманные континенты» как Мадагаскар или Гренландия с формальной точки зрения тоже являются островами, но с географической – они скорее имеют черты материка. Поэтому, антропологи чаще всего строят свои модели на основе мелко- и среднemasштабных океанических островов. Иными словами, терминологической строгости в определении понятия остров не существует.

На уровне подсознательном остров чаще всего выступает в роли метафоры замкнутого пространства, символа одиночества, изоляции и

жесткого ограничения жизненного пространства. Отсюда не сложно понять, почему так соблазнительно рассматривать остров в качестве идеальной модели при описании адаптации, например. Когда все факторы эволюции выстраиваются в четкую взаимосвязь и создают идеальный эксперимент, который, как кажется, легко просчитать и измерить. В реальности это, конечно, не так.

Стоит отметить и еще одно важное обстоятельство скорее имплицитного свойства. С точки зрения социальной истории острова чаще всего рассматриваются как вечная периферия материковых территорий. Оценки здесь могут розниться в зависимости от этического подхода исследователя. Но чаще всего жизнь на островах представляется несуетной и подчиненной природной специфике. Отсюда и потрет «типичного островитянина» как человека провинциального с особой системой ценностей, включающей взаимопомощь и высокую групповую солидарность. Однако часто на островах, особенно в условиях традиционной культуры, мы видим примеры асоциального с формальной точки зрения поведения человека в широком диапазоне от обычая не подавать руки утопающему, до тщательно продуманных практик ограничения рождаемости.

Восприятие острова как идеальной единицы научного исследования возникло в эволюционной биологии. Именно на Галапагосских островах Чарльз Дарвин впервые столкнулся с многочисленными эндемичными видами фауны и флоры, что натолкнуло его впоследствии на идею естественного отбора.

На примере Филиппин и Индонезийского архипелага Альфред Уоллес подтвердил идеи Дарвина. Кроме того, он также сформулировал некоторые из основных идей современной островной биогеографии, например, закономерность уменьшения видового разнообразия на островах, благодаря чему они могут рассматриваться как естественные лаборатории, в которых эволюционные процессы проще и легче распутать, чем на материке. От этого тезиса оставался лишь один шаг до взгляда с аналогичных позиций и на островную адаптацию людей. Этот шаг был сделан социальным и культурным антропологом Альфредом Хэддоном. В 1898 г. он организовал комплексную экспедицию в район островов пролива Торреса. Хэддон рассматривал данные острова в качестве полигона культурной изменчивости человека как биологического вида, наравне с растениями и животными.

В начале XX века один из основоположников структурного функционализма Альфред Рэдклифф-Браун исследовал обитателей Андаманских островов, другой антрополог Бронислав Малиновский на

Тробрианских островах в Меланезии изучал «примитивные» формы обмена, такие как «кула». Его работа легла в основу многих культурно антропологических теорий, включая доведенную до своей логической завершенности у неозволюционистов и субстантивистов теорию дарообмена. Многие неозволюционисты в середине XX столетия также начинали свой путь в науке с исследования жизни островитян, как это было в случае с Маршалом Саллинзом. Его работа «Социальная стратификация в Полинезии» (1958) сегодня считается классической. В ней он связал уровень социальной стратификации тех или иных полинезийских обществ с типом острова (более стратифицированные общества существовали на вулканических островах в противоположность атоллам).

Увлечение «островным моделированием» объяснялось компактностью и удобством работы со сравнительно небольшим объемом данных. Ограниченные в размерах и наборе природных компонент острова и их культуры казались прекрасными объектами для структурно-функциональных исследований. Отталкиваясь от работ классиков, Вайда и Раппапорт (1963) предложили концепцию «примитивных островных изолятов». Согласно ей островные культуры рассматривались как культуры, изолированные во времени и пространстве; не просто «доисторические», а «внеисторические».

Новый импульс концепции «примитивного изолята» был придан развитием количественной островной биогеографии в 1960-х и 1970-х годах. В результате в антропологии и археологии утвердилась идея островной среды, как дескриптивной изолированной единицы анализа. Острова понимались, как ограниченные, изолированные, хрупкие и нестабильные среды обитания, характеризующиеся высокой степенью эндемичности флоры и фауны, где сложность природного мира значительно редуцирована по сравнению с материками.

Р. Макартур и Э. Уилсон (1967) предложили модель динамического равновесия между миграцией видов на острова и вымиранием местных видов. В соответствии с их моделью ключевыми переменными, определяющими количественный баланс островной биоты, являются расстояние до материка (регулирует иммиграцию) и размер острова (влияет на исчезновение локальных видов). Так, маленькие, отдаленные острова будут иметь относительно низкие значения иммиграции, а также биоразнообразия и природных ресурсов, в то время как крупные приматериковые острова будут иметь более высокий уровень иммиграции и большее число видов. Эта модель может быть дополнена соответствующими географическими условиями, такими как наличие цепи близкорас-

положенных островов, тянущихся от материка. Когда число мигрирующих на острова видов соответствует скорости, при которой они замещают местные вымершие виды, достигается равновесная точка (Виттэйкер, 1998). Отсюда следует, что как при изучении живой природы, так и общественной организации на островах, ключевым должно быть исследование данного баланса, факторов, способствующих такому балансу или ребалансу.

В рамках социальной и культурной антропологии, а впоследствии и археологии, стали прибегать к математическому моделированию экологического потенциала территорий расселения, культурной изменчивости и демографического роста. Эванс (1973, 1977) стал первым, кто применил биогеографические принципы к островной археологии. Он высказал мнение, что море одновременно как разделяет и изолирует общины, так и связывает их, являясь эффективным средством коммуникации (при соответствующем развитии транспортных технологий). Это приводит к одновременно парадоксальному сочетанию пионерских техник выживания и шире адаптации человека с крайним консерватизмом и культурным традиционализмом общественного уклада в силу относительной физической изоляции и защиты островных социумов от высокой конкуренции, которая есть на материках. Действительно многие древние и традиционные островные культуры склонны к гипертрофированному развитию некоторых своих подсистем, таких как социо-нормативная сфера. Как пример, напомним о значительном монументальном строительстве (от Микронезии и Полинезии в Тихом океане до о. Мальта в Средиземном море).

Если мы посмотрим на время заселения человеком большинства островов планеты, то мы увидим, что в эпоху палеолита были заселены лишь те острова, которые тогда являлись частью древних материков, либо лежали на небольшом расстоянии от них. Качественное же движение человека на острова началось во времена неолита. С началом голоцена на планете отмечалось значительное потепление климата, уровень моря в среднем поднялся на 35 метров. Морские дистанции увеличились, но сдвиг в системах жизнеобеспечения людей и культурных формах адаптации приводил к постепенной специализации ряда прибрежных культур. Началось «великое морское переселение».

Порядок заселения многих островов в определенной мере связан с их размером и удаленностью от материка. Крупные прибрежные острова, как правило, заселялись раньше, более мелкие и отдаленные – позднее. В этом ключе, например, Террелл (1976, 1986) интерпретировал сильную корреляцию между числом языков, на которых говорят на Со-

ломоновых островах и размером отдельного острова. Он также проводил различие между первичным быстрым заселением островов небольшими бродячими коллективами людей и медленным развитием, и ограниченным распространением оседлых культур (здесь автор использовал прямую аналогию с процессом известным в биологии как сукцессия).

В результате в островной антропологии появилась теория «супербродяг» (supertramps). Согласно ей на разных этапах освоения островов человеком появлялись такие народы, которые само движение на отдаленные прибрежные и островные территории сделали ключом собственной успешной адаптации и в конечном счете своим образом жизни. Эта идея была такой соблазнительной, что даже нашла свое образное воплощение в кинематографе (например, в фильме К. Костнера «Водный мир»). В реальной истории на ум приходят в первую очередь викинги в Европе и «викинги солнечного восхода» - полинезийцы в Тихом океане. Что могло толкать их на столь далекие и опасные странствия? В качестве гипотезы предположим, что в значительной мере причиной такого движения стал поиск относительно специализированными культурами, которые остро реагировали на демографические и экологические изменения, баланса между средой обитания, собственными потребностями и давлением континентальных культур. Например, предки полинезийцев, вероятнее всего осуществили переход к земледелию еще на материке, в Юго-Восточной Азии. Основными их культурами были батат, таро и ямс. Их северные соседи со временем перешли к рисосеянию. По данным археологии (Беллвуд, 1979), мы видим постепенное расширение ареала рисовых культур и вытеснение ими клубнеплодных. Последние ассимилировались, либо вытеснялись дальше на юго-восток, и со временем достигли территории Тайваня и Филиппин. Оттуда позднее началось движение в сторону более мелких и отдаленных островов, главным индикатором такого движения считают находки керамического комплекса «лапита». Однако данная теория, опирающаяся на биогеографическую логику, со временем обнаруживала все больше изъян. И подверглась сильной критике с начала 1980-х гг., когда маятник науки качнулся в сторону постпроцессуализма.

Первое и главное, достигнув западной Полинезии в середине 1 тысячелетия до н.э. керамический комплекс лапита приходит в окончательный упадок и исчезает на рубеже эр. Это не связано напрямую с отсутствием сырья – глины хоть и невысокого качества – на западе Полинезии имеются. Перед своим исчезновением керамика лапита значительно упрощается (исчезают т.н. «личины», сложная орнаментика), изменя-

ются ее формы, меняется контекст ее использования (на ряде Соломоновых островов керамика лапита связана с традицией декапитированных (безголовых) захоронений. В этом контексте она имеет скорее сакральное, нежели утилитарное использование. Но чем дальше на восток и моложе по возрасту керамика, тем все более утилитарный характер она приобретает.

После исчезновения керамики лапита почти сразу начинается процесс сравнительно быстрой колонизации внешней (дальней) Полинезии. Причем, эта колонизация не следует главному биогеографическому принципу – не идет от самых ближних и больших архипелагов к маленьким и дальним островам, а попросту следует какой-то иной логике. Очень часто более близкие к азиатскому материка острова оказываются освоенными позднее, и нередко пришельцами с востока.

Считая изоляцию важнейшей характеристикой культурной эволюции полинезийских островов, П. Кирч (1984), тем не менее, подчёркивал, что её нельзя путать с закрытостью. Островные общества не полностью замкнуты. При этом океанические острова образуют действительно чрезвычайно хрупкие экосистемы. Кирч пришел к выводу, что, кроме таких видов деятельности, как охота, рыбалка, массовая вырубка лесов для сельскохозяйственных целей, жилищного и транспортного строительства, эндемичная флора и фауна островов в не меньшей степени страдала от преднамеренной или непреднамеренной интродукции людьми весьма конкурентоспособных привезённых с собой культурных видов растений и животных, особенно на уровне островных долин.

Поэтому постепенно приходило понимание того, что любой островной ландшафт, каким бы первоначальным он не выглядел, в случае если на острове жили или тем более живут люди можно назвать «природным» с большой долей условности. На таких небольших и близкорасположенных островах как острова Залива Петра Великого это видно особенно хорошо. Архипелагу Римского-Корсакова французы в середине XIX века дали имя «Îles Pelées» («голые острова»; сегодня только самый крупный остров архипелага носит имя Большой Пелис) из-за почти полного отсутствия деревьев на нем. Сегодня они произрастают там в большом количестве. На многих островах Залива располагались объекты Тихоокеанского флота, в результате чего острова подверглись сильному антропогенному воздействию. Однако по прошествии всего нескольких десятилетий, особенно на охраняемых участках Дальневосточного морского заповедника, ситуация стала улучшаться. Сравнительно высокая скорость восстановления ландшафтов приматериковых островов заставляет

поставить вопрос шире – а столь ли рационально и бережно относились древние насельники к окружающей их природе?

Если сделать допущение, что некоторые культуры (морские «супербродяги») мигрировали от острова к острову по причинам исчерпания культурно значимых ресурсов (например, истощая почвы, обезлесивая территорию и т.п.), то это могло бы объяснить и чрезвычайную подвижность, и миграции населения на сверхбольшие расстояния, и конечные лимиты такого расширения на самых дальних океанических островах. Так, например, именно на них мы можем увидеть либо качественный скачок технологии (внедрение удобрений, строительство запруд, развитие марикультуры, ирригации, там, где она была возможной и т.п.), либо экологическую катастрофу с последующей деградацией и даже исчезновением населения (как в случае с о. Пасхи или о. Неккер). Иными словами, природные факторы рано или поздно могли превосходить по силе своего действия адаптивный потенциал культуры.

Пересмотр классических положений биогеографического подхода в культурно антропологических исследованиях островных обществ начался с частных случаев и с подчеркивания очевидных вещей, которые все научное сообщество вдруг стало замечать. Так, Паттон (1996) указывал на тот факт, что колонизация островов человеком существенно отличается от таковой у растений и животных, так как часто это преднамеренный процесс, вытекающий из социальных и/или политических мотивов, зависящий от уровня морской техники и навигационных знаний в конкретный исторический период. Он также отметил различия между людьми и животными в практиках добычи пищи и моделях группового взаимодействия. Для того, чтобы более подробно изучить влияние замкнутости на человеческие популяции он считал необходимым разрабатывать не островную биогеографию, а «теорию островной социогеографии», сместив акценты на анализ культуры.

Б. Фицхью (1997) отмечал, что даже самые отдаленные острова Тихого океана никогда не были полностью изолированными. Напротив, например, полинезийцы видели океан («моана») как дорогу для путешествий, связывающую «море островов». В этом ключе еще в середине XX века Роуз отметил, что доисторические общины по разные стороны широкого пролива, разделяющего Большие Антильские острова, в культурном плане были более близки, чем общины на противоположных концах одного и того же острова. Данная особенность не очень вписывалась в концепцию острова как дискретной единицы анализа, вот почему в начале XXI в. возникает концепция, которую трудно адекватно перевести на

русский язык, «островшафтов» («islandscapes») – островных ландшафтов, где суша и море объединяются и создают особого рода пространственное единство.

Акцент на взаимодействиях, а не на изоляции, на интерпретации культурных смыслов, а не на биологически и географически детерминированных моделях стала следствием постпроцессуального поворота в западной антропологии. Как следствие, воздействие изоляции на социальные структуры стало основным предметом интереса ученых, сами же острова все чаще рассматриваются как социальные конструкты («острова в голове»), а не в качестве физических единиц (Паттон, 1996). Применение же метафоры острова к островитянам в целом, стали рассматривать как показатель сознательного манипулирования социальными и культурными границами для создания локальной (территориальной) идентичности.

В данном повороте важно попытаться соблюсти золотую середину. Мы считаем, что биогеографический подход, может стать хорошим фундаментом для будущих исследований. При этом линейных заимствований и интерпретаций антропологами и археологами идей географов и биологов допускать не следует. Наша задача может состоять в определении природных предпосылок и доминант для лучшего понимания логики культурных ответов на островах. Эти ответы наверняка будут одновременно подчиняться некоторому общему правилу, и при этом содержать в себе культурный остаток, заслуживающий самого пристального изучения, чтобы найденные культурные исключения лучше объясняли ее специфику.

Мы старались придерживаться данной установки и в ходе собственных исследований. В 2015 г. благодаря помощи Русского географического общества стартовал проект по изучению связи ландшафтов и долговременной культурной эволюции островных сообществ Дальнего Востока. Он непосредственно объединил ученых из двух Институтов Дальневосточного отделения Российской академии наук – Института истории, археологии и этнографии и Тихоокеанского института географии. Однако вокруг данного проекта очень скоро возникла коллаборация ученых и из других научных организаций России – от Камчатки и Сахалина до Москвы и Санкт-Петербурга. Для координации исследовательских усилий решением ученого совета ИИАЭ ДВО РАН был создан центр островной и прибрежной антропологии АТР с перспективной программой исследований. Состоялись комплексные экспедиции в самые разные точки северо-западной части Тихого океана – от островов Залива Петра Ве-

ликого до Курильских и Командорских островов. Были проведены сложные ландшафтные, археологические и этнологические исследования. Большую часть работы выполняли молодые ученые, для которых проект стал еще и важной вехой в их профессиональной деятельности.

Основная идея состояла в попытке изучения островных территорий Дальнего Востока с опорой на последние достижения современной исторической и географической науки. Объекты выбирались по двум хорошо известным критериям – размер острова (эта переменная непрямым образом связана со сложностью ландшафтов, которая обеспечивала больший или меньший набор ресурсов для местного населения как в древности, так и позднее) и его удаленность от материка. Эти параметры главные, но не единственные, бравшиеся в расчет (также важен климатический пояс, степень антропогенного воздействия на экосистему островов, уровень развития транспортных средств и технологий, характер производственных отношений и т.п.).

Собранный материал ещё только предстоит досконально проанализировать, но уже первые результаты весьма интересны. Так, например, были открыты ранее неизвестные археологические памятники эпохи палеометалла на мелкомасштабных приматериковых островах Залива Петра Великого (в архипелагах Императрицы Евгении и Римского-Корсакова). Наиболее интересным из них является постоянное поселение (памятник Рикорда-4) времени янковской археологической культуры (3000 л.н.). Открытие довольно крупного (около 1 га) поселка на острове площадью около 5 кв. км подталкивает нас к переоценке модели взаимодействия древних сообществ Залива друг с другом и с окружающей средой в период климатического максимума того времени.

Эти результаты тем более интересны, если сопоставить их с синхронным по времени развитием древних культур на более крупных океанических островах. В этом плане крайне важны для изучения долготно ориентированные Курильские острова, где можно проследить культурно обусловленные изменения территориальной организации от эпохи неолита до современности. Даже на последнем отрезке истории видно, как разные культуры по-разному организовывали свое жизненное пространство и деятельность на островах. Так, например, на о. Итуруп на момент его передачи Японией СССР существовало свыше ста поселений, многие из которых были небольшими и не имели транспортной сухопутной связи. В наше время их осталось всего около десятка. При этом численность японского и российского населения острова примерно сопоставима, од-

нако его концентрация в населенных пунктах и их связность значительно отличается.

Стоит также отметить, что островной образ жизни, если под ним понимать сравнительную изоляцию и опору на собственные силы, часто связан с эксплуатацией определенного довольно ограниченного круга ресурсов (рыбы, морских животных, почв, ландшафтных зон и т.д.). При этом изоляция всегда относительна. В период больших кризисов актуализируются, казалось бы, хорошо забытые базовые принципы островной жизни. Лучше всего это видно на примере Командорских островов, когда после распада СССР и экономического коллапса снова стал возрождаться почти утраченный «традиционный образ жизни» островитян. Этот образ ранее связывался с этнической алеутской культурой. Однако, как показали наши исследования, этничность на островах – это в первую очередь производная от территории и образа жизни людей на ней. Это весьма условная категория мало похожая на формальную дефиницию. Именно такое понимание этничности позволяет нам лучше понять высказывание одного из респондентов, жителя острова Беринга, украинца по национальности: «в 1990-е годы мы все здесь стали алеутами». Из этого также следует вывод о важности изучения «этнографической старины» на островах, которая на уровне низкой культуры никогда не утрачивает своей актуальности. Это не только позволяет лучше знать историю региона, но и понимать многие аспекты деятельности людей, их взаимоотношений между собой и с природой.

Настоящим выпуском мы бы хотели открыть серию публикаций, посвященную историческому и географическому изучению островных сообществ российского Дальнего Востока, надеемся, что они вызовут интерес не только у специалистов, но и более широкого круга читателей.

Разнообразие островных геосистем и их компонентов как показатель влияния природных факторов и хозяйственной деятельности¹

Географическое положение, климатические особенности и история развития природной среды юга Дальнего Востока России способствовали формированию большого разнообразия геосистем и их компонентов. Рассматриваемый регион является уникальной зоной, где отмечается сочетание северных и южных видов биоты. Своеобразные природные комплексы включают редкие и эндемичные виды растений и животных. Здесь расположен единственный в России Морской заповедник. В то же время район является важным транспортным узлом с крупнейшими морскими портами, угольными, нефтеналивными терминалами, промышленными предприятиями и военными объектами, наибольшей плотностью населения по сравнению со всем тихоокеанским побережьем России [5]. Кроме того, как самый южный участок тихоокеанского побережья России, он испытывает наибольшую рекреационную нагрузку.

Цель настоящего исследования на примере островов залива Петра Великого выявить влияние природных факторов и хозяйственной деятельности на разнообразие островных геосистем и их компонентов. Для этого был проведен сравнительный анализ флористического, ценоотического, почвенного, ландшафтного разнообразия на островах.

Полевые исследования современного состояния компонентов природной среды на островах залива Петра Великого проводились в 2009-2016 гг. Было изучено геоморфологическое и геологическое строение островов, проведены геоботанические, лишенологические и почвенные исследования. Выполнены ландшафтное картографирование в масштабе 1:25000 с применением программного пакета ArcGis 10.1 и математический анализ пространственной структуры ландшафтов; рассчитан индекс разнообразия растений и лишайников $d = S/\lg A$, где S – количество видов, A – площадь острова, м²; индекс Маргалефа $Dmg=(n-1)/\ln S$, где n – количество видов ландшафтов, S – площадь острова.

При проведении фитоиндикационных исследований учитывались следующие характеристики: лесистость, сомкнутость крон деревьев,

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 15-05-01419) и программы фундаментальных исследований ДВО РАН «Дальний Восток» (проекты 15-1-6-058, 15-11-6-037)

проективное покрытие кустарников и трав, встречаемость, видовое разнообразие, количество и состояние популяций охраняемых видов, жизненное состояние сосудистых растений, которое оценивалось по 4 балльной системе: 1 – слабо вегетирует, не плодоносит, следы хлороза и некроза на тканях, 2 – не достигает обычных размеров, 3 – вегетирует, 4 – полный цикл развития, достигает обычных размеров. При оценке лишайноиндикационных параметров учитывались: видовое разнообразие лишайников, жизненное состояние по 5-балльной шкале [9], частота встречаемости видов, относящихся к разным экологическим группам [8].

Флора сосудистых растений островов характерна для Маньчжурской провинции Восточноазиатской области Бореального подцарства Голарктического царства и носит неморальные черты. Большинство видов имеют восточноазиатское распространение. Высокий индекс видового разнообразия характерен для о. Большой Пелис, средние значения индекса – о-ва Рикорда, Рейнеке, Попова, Путятинна, Стенина, маленькие – о-ва Шкота, Герасимова, Лаврова, Наумова, Энгельма. Наибольшее количество охраняемых видов представлено на о. Большой Пелис – 12. На других островах эта цифра не превышает 7 видов. Разнообразие экологических условий островов определяет сменяющиеся фитоценозы: лесные, редколесные, луговые, травяно-кустарниково-полукустарниковые, петрофитно-травяные, болотно-травяные, озёрно-травяные, галофитно-травяные.

Видовой состав лишайников рассматриваемых островов в целом характерен для юга Приморского края. Лишайниковые сообщества развиваются в лесах – на коре деревьев, скалах и камнях; в травяно-кустарниковых сообществах – на ветках кустарников, камнях и незадернованных участках почвы; на приморских скалах и валунно-галечных пляжах. Наибольшее видовое разнообразие лишайников отмечено на островах Большой Пелис и Попова, наибольший индекс разнообразия на островах Сидорова и Большой Пелис, наибольшее разнообразие охраняемых видов на островах Большой Пелис, Попова, Путятинна, Рикорда.

Пространственная дифференциация почвенного покрова островов обусловлена в первую очередь природными факторами: высотой, крутизной, экспозицией склонов и разнообразием растительности. Наиболее распространёнными являются бурозёмы типичные, формирующиеся под широколиственными лесами на склонах средней крутизны. Их профиль (О-АУ-ВМ-ВМС), как правило, маломощный и сильнокаменистый. Под полидоминантными широколиственными лесами с хорошо развитым травяным напочвенным покровом формируются бурозёмы тёмные с вы-

соко гумусированным профилем (O-AU-AUBM-BM-BMC). Ограниченные площади на выположенных склонах с замедленным водообменном преимущественно под ольхово-черёмухово-ивовыми лесами занимают бурозёмы оподзоленные с характерным осветлением подгумусовой части профиля и наличием следов оглеения в иллювиальном горизонте (O-AУe-BMg-BMC). К нижним выположенным частям склонов под зарослями гмелинополынников, мискантусовыми лугами и разреженными криволесьями с развитым травяно-кустарниково-полукустарниковым ярусом приурочены бурозёмы тёмные иллювиально-гумусовые (O-AU-BMhi-BM-BMC). Современное состояние почвенного покрова островов обуславливается степенью антропогенного пресса.

Острова характеризуются разной степенью антропогенной трансформацией растительности: сильной (о-ва Путятина, Попова, Рикорда, Рейнеке, Энгельма), средней (о-ва Шкота, Лаврова, Герасимова) и слабой (о-ва Наумова, Сидорова). Соответственно степени трансформации лесистость составляет менее 60-50%, менее 70%, более 80%; антропогенно-изменённые сообщества – более 50%, более 40%, менее 30%; охраняемые виды – менее 7; жизненное состояние сосудистых растений – 1-4 баллов.

В настоящее время около половины площади острова Путятина занято широколиственными вторичными дубняками паркового типа. Остальную часть острова занимают черемухово-ивовые леса, кустарниково-травяные фитоценозы, разнотравные сообщества скал, болот, озер, морских террас, абразионных уступов и пляжей. Охраняемые виды встречаются редко. В северной части острова сохранились высокосомкнутые широколиственные леса. На участках, прилегающих к поселку, наблюдается значительное обеднение видового состава сосудистых растений и лишайников, адвентизация флоры, преобладание среди лишайников видов, устойчивых к антропогенному влиянию. На островах Попова и Рикорда преобладают полидоминантные широколиственные леса кустарниково-разнотравные с лианами. На антропогенно-изменённых территориях встречаются дубняки паркового типа и ольхово-черёмухово-ивовые леса на переувлажненных участках. Значительные отличия в структуре растительного покрова характерны для о. Рейнеке. Здесь кустарниково-полукустарниково-разнотравные сообщества составляют основу антропогенно-изменённых территорий. Также широкое распространение имеют влажные разнотравные луга. На о-вах Сидорова и Герасимова преобладают липово-грабово-дубовые леса (*Tilia amurensis*+*Carpinus cordata*+*Quercus mongolica*), встречаются кустарнико-

во-травяные и травяные сообщества скал, приморских лугов и болот. На о. Шкота, Лаврова и Энгельма меньше половины площади островов занято полидоминантным широколиственным лесом, остальную часть занимают кустарниково-полукустарниково-разнотравные сообщества. В настоящее время, остров Наумова является эталоном в сохранении ценопопуляций тиса остроконого среди других островов залива Петра Великого [3]. Сохранение тиса остроконого *Taxus cuspidata* и хорошая его возобновляемость на этом острове связано с 80% лесистостью, защищённостью от сильных ветров кустарниковыми зарослями на перефидрии острова и крутыми склонами от посещения туристами.

Лихеноиндикационные исследования показали, что на островах, не входящих в состав морского заповедника, встречаемость и проективное покрытие лишайников, характерных для естественных и слабо измененных местообитаний, а также редких видов выше на участках, расположенных ближе к вершинам сопков. Это обусловлено наличием благоприятных для развития лишайников условий и меньшей антропогенной нагрузкой, т.к. эти участки оказываются менее посещаемыми. Наиболее обеднённый видовой состав лишайников представлен в окрестностях населённых пунктов, здесь распространены виды антропогенно нарушенных местообитаний. На талломах отмечены следы пожаров не только вблизи населённых пунктов, но и в наиболее удалённых от жилья участках. Преобладают лишайники с жизненным состоянием 3-4 балла. Часто встречаются виды с жизненным состоянием 2 балла (сильное повреждение). На этих островах повсеместно присутствуют нитрофильные лишайники, которые являются показателем загрязнения приземного воздуха соединениями азота.

Под лесной растительностью островов Попова, Рикорда, Рейнеке, Шкота, Лаврова распространены буроземы типичные и буроземы темные, отличающиеся небольшой скелетностью корнеобитаемого слоя и наличием следов пирогенного воздействия – частиц древесного угля.

На большей части островов Энгельма, Лаврова, Шкота в результате техногенного уничтожения плодородного почвенного слоя почвенный профиль под гмелинополынниками, сформировавшимися на месте уничтоженной лесной растительности, отличается небольшой мощностью (до 35–37 см), высокой плотностью сложения и сильной скелетностью (80–95 % от объема почвенной массы).

На заселённых островах Попова, Рейнеке, Путятина в силу низкогорного характера рельефа, малой мощности и сильной скелетности почвенных профилей каменисто-щебнистого состава буроземов, эродиро-

ванность почвенного покрова довольно высока. Большая часть территории населённых пунктов, грунтовых дорог, а также туристических троп относится к эрозионно-опасной группе земель. Ежегодное отчуждение элементов питания при использовании «луговых ландшафтов» под сенокосы и выпас скота местным населением о. Рейнеке приводит к истощению почв, ухудшению структуры поверхностных горизонтов и повышает эрозионную опасность лугов. Пирогенный фактор является одним из ведущих в уничтожении растительного покрова и развитии плоскостной эрозии почв.

Почвенный покров труднодоступного острова Наумова с сохранившимися хвойными насаждениями представлен маломощными буроземами с явными признаками оподзоленности.

На островах Сидорова и Герасимова под высокосомкнутым широколиственным лесом с хорошо развитым травяным покровом создаются благоприятные условия для формирования преимущественно буроземов темных.

Острова Большой Пелис и Стенина, входящие в состав Морского заповедника, характеризуются средней степенью антропогенной трансформации растительности. Лесистость составляет более 60%, антропогенно-изменённые сообщества – менее 50%, охраняемых видов – более 4. На данных островах преобладает полидоминантный широколиственный лес кустарниково-разнотравный с лианами. Сохранились пихтарники из пихты цельнолистной (о. Стенина) и широколиственный лес с участием тиса остроконечного (о. Большой Пелис). Широкое распространение имеют грабово-липовые и кленовые фитоценозы, низкорослые широколиственные леса, а также максимовичешиповниково-гмелинополынники с редколесьем и мискантусники.

Для лишайников характерно высокое видовое разнообразие. На острове Большой Пелис отмечено 194 вида, в то время как для более крупного и наиболее хорошо изученного в лишайнологическом отношении острова Попова известно 203 вида. На острове Большой Пелис 13 видов, занесенных в федеральную и региональную Красные книги. Это наиболее высокий показатель на островах залива (о. Попова, о. Путятина – по 13, о. Рикорда – 12). Лишайники естественных и слабо изменённых местообитаний преобладают в сообществах не только на отдельных участках, а на всей территории островов. Отсутствуют нитрофильные лишайники и виды, устойчивые к высокому уровню загрязнения. Встречаемость лишайников в большей степени обусловлена наличием подходящих субстратов и местообитаний. Преобладают лишайники с жизненным со-

стоянием 4-5 баллов. Однако, на отдельных участках встречаются лишайники с жизненным состоянием 2-3 балла (разрушен верхний коровой слой, обесцвечен слой водорослей). При отсутствии непосредственного антропогенного воздействия это может быть обусловлено региональным и трансграничным переносом загрязняющих веществ [4].

В пределах заповедных островов современное состояние почвенного покрова определяется, прежде всего, природными факторами. На острове Стенина буроземы вершин значительно уступают как по мощности почвенного профиля буроземам на склонах (50 против 100 см), так и по интенсивности иллювиирования гумуса в иллювиальных горизонтах. На о. Большой Пелис отмечается положительная тенденция в изменении почвообразовательных процессов: преобладание в процессах почвообразования черт «лесного» бурозёмообразования и формированием на месте бывших огородов типичных бурозёмов [7].

В ландшафтном отношении для островов характерно доминирование геосистем пологих и средней крутизны склонов, сложенных гранитами и гранитоидами, базальтами, с преобладанием высокосомкнутых полидоминантных широколиственных лесов на тёмных и типичных бурозёмах. Отличительной особенностью о. Рейнеке является широкое распространение разнотравно-злаковых лугов, что является следствием активного хозяйственного освоения острова в XX в. Геосистемы террасовидных и низменных участков тяготеют к побережью с преобладанием кустарниково-разнотравных сообществ на луговых почвах, типичных и оподзоленных бурозёмах. Опоясывают острова ландшафты абразионно-денудационных уступов с гравийно-галечными отложениями с супралиторальными и петрофитными группировками на камнях, маршевых и примитивных почвах.

По результатам анализа пространственной структуры ландшафтов, картографо-статистического и математического анализа построенных ландшафтных карт были выявлены особенности влияния антропогенной деятельности на геосистемы островов. При этом одним из важнейших показателей является ландшафтное разнообразие территории, которое отражает фундаментальные свойства земной поверхности и показывают трудно наблюдаемые свойства ландшафтов [6]. Для расчёта значения ландшафтного разнообразия нами использовался индекс Р. Маргалефа. Для подтверждения полученных данных выполнен расчёт энтропийной меры сложности ландшафтного рисунка, который отражает схожие грани ландшафтного разнообразия [1]. Площадь острова является важнейшим фактором разнообразия ландшафтов. Кроме того, большое

значение имеет возраст острова: на более древних формируется большее число биогеоценозов, развивается более сложный почвенный покров; а развитие системы поверхностного стока на крупных островах обуславливают увеличение ландшафтного разнообразия [2].

Для рассматриваемых островов залива Петра наблюдается высокая корреляция между ландшафтным разнообразием и площадью острова ($r=0,7$). При этом для островов с активной хозяйственной деятельностью фиксируется ослабление данной взаимосвязи.

По результатам расчётов было отмечено снижение показателей ландшафтного разнообразия при увеличении антропогенного пресса. Наиболее репрезентативными являются острова Попова и Большой Пелис. Площадь первого больше в 3,8 раза чем второго, а ландшафтное разнообразие больше всего в 1,3 раза. Такая дифференциация обусловлена разной интенсивностью хозяйственного использования и, следовательно, степенью преобразованности ландшафтов. Остров Большой Пелис с 1978 г. входит в состав ООПТ. Прекращение хозяйственного использования территории привело к образованию большого количества растительных сообществ, находящихся на разных стадиях развития. Формирование разных сукцессий на островах заповедника связано с интенсивным хозяйственным использованием островов до организации ООПТ. Прекращение хозяйственной деятельности стало импульсом для восстановления растительного покрова на антропогенно преобразованных территориях. Как уже отмечалось, данный процесс идет неравномерно с формированием последовательного ряда сменяющих друг друга сукцессий.

Обращает на себя внимание и высокие значения ландшафтного разнообразия на о. Стенина, что также связано с отсутствием антропогенного пресса на геосистемы в последнее время. Это практически единственный крупный острова залива Петра Великого, где зафиксировано сохранение коренных геосистем с участием пихты (*Abies holophylla*).

Таким образом, для островов с наименьшей степенью антропогенной нагрузки (острова морского заповедника) характерно более высокое разнообразие сосудистых растений, лишайников, ландшафтов. В сообществах лишайников преобладают виды естественных и слабоизмененных мсетообитаний, отсутствуют нитрофильные и устойчивые к высокому уровню загрязнения лишайники. Распределение лишайников в большей степени определяется природными условиями территории. За время отсутствия хозяйственной деятельности островов произошло час-

точное восстановление растительности, антропогенно нарушенных ландшафтов.

Прекращение хозяйственной деятельности при создании заповедника, способствовало естественному развитию природных комплексов, дает возможность восстановлению естественных экосистем на островах. Однако наличие регионального и трансграничного переноса загрязняющих веществ оказывает негативное воздействие на природу островов и может затруднять сохранение естественных природных компонентов.

Литература

1. Ганзей К.С., Иванов А.Н. Ландшафтное разнообразие Курильских островов // География и природные ресурсы. 2012. № 2. – С. 87-94.
2. Иванов А.Н. Проблемы изучения ландшафтов островов // Изв. РГО. 2009. Вып. 4. – С. 4-11.
3. Киселева А.Г. Ценопопуляции *Taxus cuspidata* Siebold et Zucc. ex Endl. острова Наумова (залив Петра Великого, Японское море) // IX Дальневосточная конференция по заповедному делу. Владивосток, 20-22 октября 2010 г.: Материалы конференции. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 191-196.
4. Муха Д. Э., Кондратьев И. И., Мезенцева Л. И. Трансграничный перенос кислотных осадков циклонами Восточной Азии на юг Дальнего Востока России // География и природные ресурсы, 2012. – № 2. – С. 21–26.
5. Наумов Ю. А. Антропогенез и экологическое состояние геосистемы прибрежно-шельфовой зоны залива Петра Великого Японского моря. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 300 с.
6. Пузаченко Ю.Г., Дьяконов К.Н., Алещенко Г.М. Разнообразие ландшафта и методы его измерения // География и мониторинг биоразнообразия. М.: Изд-во НУМЦ, 2002. – С 143-302.
7. Пшеничников Б.Ф., Пшеничникова Н.Ф. Почвы островов и побережья // Дальневосточный морской биосферный заповедник. Исследования. Т. 1., гл. 4. «Почвы и ландшафты». – Владивосток: Дальнаука, 2004. – С. 251-283.
8. Родникова И.М., Скирина И.Ф. Лихеноиндикация антропогенного воздействия на острова залива Петра Великого (Японское море) // География и природные ресурсы, 2014. №4. – С. 42-48.
9. Скирина И.Ф., Коженкова С.И., Родникова И.М. Эпифитные лишайники Приморского края и использование их в экологическом мониторинге. – Владивосток: Дальнаука, 2010. – 150 с.

**Изменение эколого-хозяйственного баланса
и перспективы рекреационного освоения островов
архипелага Императрицы Евгении**

Туристско-рекреационная деятельность является одним из важных направлений развития социально-экономического комплекса Приморского края и его административного центра – г. Владивосток.

Особое значение в развитии рекреации имеют прибрежные и островные территории. В состав Владивостокского городского округа входит архипелаг Императрицы Евгении, состоящий из четырех крупных островов (Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда) и более мелких. Острова архипелага обладают природным и культурно-историческим рекреационным потенциалом, создающим благоприятные условия развития рекреационной деятельности на данной территории.

Неконтролируемое развитие рекреации может оказать негативное влияние на состояние геосистем. В связи с этим особую актуальность имеет анализ эколого-хозяйственного баланса (ЭХБ), а также проведение оценки рекреационной емкости природной среды, направленной на устойчивое развитие территории.

В ходе исследования использовались качественные и количественные методы. Для анализа ЭХБ применялась методика, предложенная Б.И. Кочуровым [6], а для оценки рекреационной емкости – разработанный В.И. Преловским с соавторами метод расчета рекреационной емкости ландшафта [8; 9], широко апробированный на Дальнем Востоке.

На островах архипелага Императрицы Евгении представлены Дальневосточные бореальные и суббореальные средне- и южнотаежные притихоокеанские ландшафты с характерной муссонной циркуляцией воздушных масс [5]. Доминируют геосистемы пологих и средней крутизны склонов, сложенных гранитами и гранитоидами, базальтами, с преобладанием высокосомкнутых полидоминантных широколиственных лесов на темных и типичных буроземах [4].

ЭХБ территории – это сбалансированное соотношение различных видов деятельности и интересов различных групп населения с учетом потенциальных и реальных возможностей природы, что обеспечивает устойчивое развитие природы и общества, воспроизводство природных (возобновимых) ресурсов и не вызывает экологических изменений и последствий. Для определения ЭХБ используются следующие характери-

стики: соотношение земель по видам и категориям; степень антропогенной преобразованности природных ландшафтов; напряженность эколого-хозяйственного состояния (ЭХС), выражаемая в коэффициентах абсолютной (Ka) и относительной (Ko) напряженности, экологический фонд; степень естественной защищенности (ЕЗ), выражаемая коэффициентом Кез, который является количественным выражением ЭХБ [6].

Дешифрирование структуры использования земель с использованием программного пакета ArcMap 10.1 позволило проанализировать изменение ЭХБ островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда за период 1975-2015 гг. Для анализа ЭХБ на островных территориях было определено 6 категорий земель по степени антропогенной нагрузки (АН): от АН1 (отсутствие хозяйственного воздействия) до АН6 (полное преобразование геоморфологического строения и почвенно-растительного покрова) (табл. 1).

Табл. 1. Категории земель по степени антропогенной нагрузки на островах Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда (га) [1]

Категория земель	Степень антропогенной нагрузки	Год		
		1975	2007	2015
Условно природные	АН ₁	11146,39	11529,21	11030,54
Озера		83,13	15,96	15,96
Кладбище	АН ₂	1,46	4,51	4,51
Сельскохозяйственная	АН ₃	363,71	12,17	12,95
Рекреационная	АН ₄	6,50	46,75	110,28
Неиспользуемые объекты (брошенная)	АН ₅	0,00	132,60	120,72
Объекты культурного наследия		0,00	36,11	35,59
Жилая	АН ₆	221,97	428,05	367,40
Производственной, инженерной и транспортной инфраструктур		53,59	29,48	380,41
Государственных учреждений и служб, военного назначения		475,90	44,04	68,76
Научная и научно-образовательная		0,70	8,03	154,12
Всего	-	12353,34	12286,92	12301,25

Рассчитав коэффициенты K_a и K_o (табл. 2) за период 1975-2015 гг., было установлено, что наиболее напряженное ЭХС территории в целом для островов архипелага Императрицы Евгении характерно для 2015 г. ($K_a = 0,088$; $K_o = 0,112$), что является следствием выполнения масштабных строительных работ на о. Русский в целях подготовки к саммиту АТЭС, а также вовлечением новых территорий островов в рекреационное использование, сопровождавшегося строительством баз отдыха. Необходимо отметить, что на островах Попова, Рейнеке и Рикорда для 1991 г. характерны наивысшие показатели вовлечения территории в хозяйственное использование, что связано с их максимальным использованием силами Тихоокеанского флота СССР.

После расчета показателей ЕЗ (табл. 2) было выявлено, что степень ЕЗ территории островов за весь рассматриваемый период оставалась очень высокой. Тем не менее, наблюдается незначительное колебание показателей для временных срезов.

Изменения ЭХБ островов архипелага в период 1975-2015 гг. были незначительны. Вместе с тем отмечается небольшая дифференциация между островами, что связано с различной интенсивностью и характером освоения каждого из рассматриваемых островов. Самый высокий уровень ЕЗ отмечается для территории о. Рикорда со слабым хозяйственным освоением. Степень ЕЗ всех рассматриваемых островов с 1975 по 2015 гг. оставалась очень высокой ($K_{ез} > 0,9$). Незначительная трансформация ЭХБ островов, вызванная нестабильностью социально-экономических условий, фиксируется после 1991 г. За период 2007-2015 гг. произошло снижение уровня ЕЗ территории островов до 0,905, вызванное, как уже отмечалось ранее, выполнением масштабных строительных работ на о. Русский и появлением новых баз отдыха.

Табл. 2. Эколого-хозяйственный баланс островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда [1]

Показатели ЭХБ	1975 г.	1991 г.	2007 г.	2015 г.
остров Русский				
K_a	0,072	-	0,046	0,100
K_o	0,070		0,067	0,129
Рсф	9260,391		9379,145	8905,647
$K_{ез}$	0,924		0,942	0,893
остров Попова				
K_a	0,073	0,083	0,059	0,059
K_o	0,070	0,080	0,067	0,069

Рсф	1189,382	1183,528	1214,686	1212,137
Кез	0,917	0,913	0,937	0,935
остров Рейнеке				
Ка	0,030	0,027	0,024	0,024
Ко	0,028	0,027	0,028	0,027
Рсф	514,041	516,199	527,472	527,856
Кез	0,947	0,951	0,972	0,973
остров Рикорда				
Ка	0	0,0033	0,0002	0,0002
Ко	0	0,0033	0,0012	0,0002
Рсф	487,70	486,12	487,22	487,61
Кез	1	0,9968	0,9990	0,9998
острова Русский, Попова, Рейнеке, Рикорда				
Ка	0,067	-	0,044	0,088
Ко	0,065		0,063	0,112
Рсф	11451,510		11608,522	11133,256
Кез	0,927		0,945	0,905

Для будущего устойчивого развития островов архипелага Императрицы Евгении важным является сохранение природного каркаса территории. Не смотря на активное хозяйственное использование островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда в течение 150 лет, результаты анализа ЭХБ отражают сохранение ландшафтного базиса для будущего развития, которое должно основываться на всестороннем анализе природных и социально-экономических особенностей территории.

Согласно планам развития рекреационное освоение является наиболее перспективным направлением хозяйственной деятельности на островах архипелага Императрицы Евгении. Для будущего устойчивого развития рекреационной деятельности нами была проведена оценка рекреационной емкости природной среды островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда.

Коллективом авторов под руководством К.С. Ганзея в 2016 г. было проведено исследование ландшафтной организации и выполнено ландшафтное картографирование островов архипелага Императрицы Евгении¹ [3], на основе принципов структурно-генетической классификации В.А. Николаева [7]. Отличительной особенностью данной классификации является охват геосистем всех таксономических уровней.

В.И. Преловским с соавторами [8; 9] были определены величины допустимых рекреационных нагрузок для различных категорий земель и

---

¹ Данная работа выполнялась в рамках проекта РФФИ (№ 15-05-01419)

основных типов растительности Приморского края, а также зависимость величины рекреационной нагрузки от типов рельефа с расчетом средних значений понижающих коэффициентов. Наличие данных показателей позволяет рассчитать рекреационную емкость территории по формуле:

$$E = \sum_{i=1}^n K_i R_i S_i [8],$$

где E – рекреационная емкость территории; K_i – поправочные коэффициенты для отдельных типов растительности; R_i – допустимая для каждого типа растительности рекреационная нагрузка; S_i – площадь, занимаемая отдельными типами растительности; n – количество типов растительности с различной степенью рекреационной устойчивости.

На основе предложенной В.И. Преловским с соавторами методики были определены величины допустимых рекреационных нагрузок для видов ландшафта островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда (табл. 3). Поправочные коэффициенты были введены в зависимости от генетических типов рельефа (табл. 4). При этом поправочные коэффициенты отдельных родов ландшафта (овражно-балочных эрозионно-денудационных V-образных, днищ долин водотоков эрозионно-аккумулятивных U-образных, абразионно-денудационных уступов и оползней) были приравнены к понижающим коэффициентам территорий с максимальной крутизной склона, что связано с их низкой устойчивостью.

Табл. 3. Примеры допустимых рекреационных нагрузок для видов ландшафтов островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда [2]

Вид ландшафта [3]	Допустимая рекреационная нагрузка, чел./га [8; 9]
Пихтарник на бурозёмах оподзоленных	0,5
Сосново-липовые с пихтой, дубом и берёзой кустарниково-разнотравные на бурозёмах оподзоленных	1
Кленово-ясенево-ольхово-липовые кустарниково-разнотравные на бурозёмах неполноразвитых, локально типичных сильноскелетных	1,5
Дубовые с берёзами и липой кустарниково-разнотравные на бурозёмах тёмных, местами эродированных (в оврагах)	2
Ольховые с черёмухой переувлажнённые на бурозёмах глеевых	1
Разнотравные петрофитные на бурозёмах тёмных маломощных сильноскелетных	6
Осоково-тростниковые на торфянисто-перегнойно-глеевых почвах	0,5
Разнотравно-галофитные на камнях, частично на маршевых почвах и петрофитные на примитивных почвах	100

Табл. 4. Поправочные коэффициенты для родов ландшафта островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда [2]

Род ландшафта	Поправочный коэффициент
Вершинные и привершинные денудационные гребневидные	0,69
Вершинные и привершинные денудационные выположенные	0,87
Склоновые денудационные средней крутизны	0,69
Склоновые денудационные пологие	0,87
Оползни пологие, глубокие	0,02
Субгоризонтальные денудационные холмисто-увалистые	0,87
Субгоризонтальные денудационно-аккумулятивные террасовидные	0,99
Прибрежные аккумулятивные низменные	1
Овражно-балочные эрозионно-денудационные V-образные	0,02
Днища долин водотоков эрозионно-аккумулятивные, преимущественно U-образные	0,02
Надпойменные аккумулятивные террасы	1
Уступы абразионно-денудационные	0,02
Пляжевые аккумулятивные	1

Определив значения допустимых рекреационных нагрузок видов ландшафтов и поправочных коэффициентов в зависимости от родов ландшафтов, были рассчитаны рекреационные емкости выделяемых на островах Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда 362 морфологических единиц ранга урочище. Суммирование полученных показателей позволило рассчитать рекреационную емкость ландшафтов островов (табл. 5).

Табл. 5. Рекреационная емкость природной среды островов Русский, Попова, Рейнеке, Рикорда

Остров	Рекреационная емкость природной среды, чел.
Русский	16431
Попова	4154
Рейнеке	2159
Рикорда	1336
острова Русский, Попова, Рейнеке, Рикорда	24080

Для определения на островах Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда категорий земель по степени рекреационной емкости были рассчитаны показатели рекреационной емкости на единицу площади выделяемых на островах 362 урочищ. Нами использовалась формула:

$$E_s = \frac{E}{S},$$

где ES – рекреационная емкость на единицу площади выделяемого урочища; E – рекреационная емкость выделяемого урочища; S – площадь, занимаемая урочищем.

Полученные значения рекреационной емкости на единицу площади были объединены в 4 группы с прогрессивно возрастающими интервалами в геометрической прогрессии, так как значения варьируются неравномерно (от 0,01 до 100). С использованием программного пакета ArcMap 10.1 было выделено 4 категории земель по степени рекреационной емкости с расчетом их площадей. Каждая из категорий земель получила бальную оценку с последующим присвоением индекса (табл. 6).

Табл. 6. Категории земель островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда по степени рекреационной емкости

Категория земель, по степени рекреационной емкости	Рекреационная емкость, чел./га	Площадь, га				
		Острова				
		Русский	Попова	Рейнеке	Рикорда	Императрицы Евгении
PE ₁ (очень низкая)	0,01-0,1	441,79	18,33	4,76	9,09	473,97
PE ₂ (низкая)	0,11-1	300,93	77,28	27,16	8,98	414,35
PE ₃ (средняя)	1,01-10	8050,6	1019,73	461,86	463,7	9995,89
PE ₄ (высокая)	10,01-100	18,78	17,61	1,59	3,59	41,57

Результаты картографирования показали, что на территории островов Русский, Попова, Рейнеке и Рикорда преобладают земли со средней степенью рекреационной емкости (более 99 км²), занятые преимущественно широколиственными лесами. Эти земли, как мы считаем, наиболее всего подходят для экологического туризма, предполагающего ограничения в использовании природных рекреационных ресурсов для сохранения природной среды.

Наименее емкими являются днища долин водотоков и овраги, для которых характерна низкая устойчивость, а также абразионные уступы и

территории вероятных оползней, представляющих опасность для туристов. Пребывание на этой территории туристов недопустимо.

Наиболее емкими являются песчано-галечные пляжи и другие не представляющие угрозы для туристов территории без растительного покрова. Территории пляжей наиболее всего подходят для организации дайвинга, серфинга и других видов купально-пляжного отдыха.

Устойчивое развитие рекреационной деятельности на островах архипелага Императрицы Евгении должно базироваться на всесторонней оценке природных комплексов островов, с выполнением крупномасштабного тематического картографирования, конечной целью которого должно являться функциональное зонирование территории. Антропогенная трансформация геосистем островов, ярко выраженная в преобразовании растительного покрова, оказывает негативное влияние не только на устойчивое функционирование ландшафтов, но и на развитие рекреационной деятельности. Выполненная в настоящей работе оценка рекреационной емкости природной среды может стать важным этапом в формировании стратегии устойчивого развития рекреационной деятельности на островах архипелага Императрицы Евгении.

Литература

1. Борисов, Р. В. Изменение эколого-хозяйственного баланса островов Попова, Рейнеке и Рикорда за период 1975-2015 гг. (залив Петра Великого) / Р. В. Борисов // Географические и геоэкологические исследования на Дальнем Востоке. – Владивосток : Дальнаука, 2016. – С. 39-44.
2. Борисов, Р. В. Оценка рекреационной емкости ландшафтов о. Русский (Японское море) / Р. В. Борисов, К. С. Ганзей // География: развитие науки и образования. – Спб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. – С. 124-129.
3. Ганзей, К. С. Ландшафты острова Русский. Карта. Масштаб 1:25000. / К. С. Ганзей, А. Г. Киселева, Н. Ф. Пшеничникова. – Владивосток : ООО «Колорит», 2016.
4. Ганзей, К. С. Современное состояние и антропогенная трансформация геосистем островов залива Петра Великого / К. С. Ганзей, А. Г. Киселева, И. М. Родникова, Н. Ф. Пшеничникова // Ойкумена. – 2016. – № 1. – С. 40-49.
5. Исаченко, А. Г. Ландшафты СССР / А. Г. Исаченко. – Л. : Изд-во Ленингр. ин-та, 1985. – 320 с.

6. Кочуров, Б. И. Геоэкология: экодиагностика и эколого-хозяйственный баланс территории / Б. И. Кочуров. – Смоленск : СГУ, 1999. – 154 с.
7. Николаев, В. А. Проблемы регионального ландшафтоведения / В. А. Николаев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 160 с.
8. Преловский, В. И. Экосистемная организация рекреационных территорий. В 4 кн. Кн. 1. Стратегия территориального развития рекреации и туризма в Приморском крае / В. И. Преловский, П. Я. Бакланов, А. П. Добрынин, Ю. В. Смольянинов, Л. С. Банников, А. Ю. Гусаченко, Л. Н. Деркачева, Е. М. Иванов, А. М. Короткий, А. Б. Косолапов, С. А. Лозовская, Б. В. Преображенский, С. А. Соболдашев, Б. И. Семкин, В. М. Урусов, А. Н. Челноков. – Владивосток : ДВО РАН, 1996. – 132 с.
9. Преловский, В. И. Экосистемная организация рекреационных территорий. В 4 кн. Кн. 2. Бассейновый принцип формирования рекреационных систем Приморья / В. И. Преловский, А. М. Короткий, И. Ю. Пузанова, С. А. Соболдашев, А. Т. Ащепков, Ю. И. Берсенев, Г. А. Гомилевская, А. П. Добрынин, А. А. Игнатов, Б. В. Преображенский, В. Д. Ралько, В. Г. Туркения, В. М. Урусов. – Владивосток : ДВО РАН, 1996. – 149 с.

Культурные связи Сахалина в эпоху неолита

Остров Сахалин представляет собой далекую восточную окраину огромного евразийского континента – край земли. Однако интерес к его древней истории из-за этого обстоятельства несколько не снижается. Напротив, этой территории было суждено сыграть важнейшую роль в этногенезе народов, населявших бассейны Охотского и Японского морей, в том числе таких загадочных, как айны и нивхи. К сожалению, конкретные обстоятельства древней этнокультурной истории Сахалина, приведшие в конечном счете к формированию этих народов, остаются пока мало понятными, что объясняется, прежде всего, очень медленными темпами развития здесь археологических исследований.

В то же время надо отметить, что в отношении этнокультурной специфики Сахалина у специалистов сложилась своеобразная исходная установка, определяющая общие контуры интерпретации любых археологических материалов. Она сводится к пониманию территории Сахалина исключительно как связующего звена между материковыми и островными культурами и как следствие к восприятию ее исключительно в качестве промежуточной зоны между ними. Истоки этой установки лежат в трудах еще самых первых этнографов, лингвистов, антропологов, археологов, работавших на острове в конце 19 – нач. 20 вв. Между тем, анализ имеющихся сегодня археологических источников показывает, что в древности культурные взаимодействия в этой части бассейна Японского моря могли иметь совершенно иной характер.

В частности, на это указывает анализ культурных связей Сахалина в эпоху неолита. В их развитии, опираясь на анализ керамики, можно выделить ряд этапов, для каждого из которых характерны свои особенности (Табл. 1).

Первый этап приходится на самый конец плейстоцена¹. В это время Сахалин и Хоккайдо представляли собой полуостров, соединенный с материком в районе современного амурского лимана. Вместе с Приморьем они составляли относительно обособленную историко-

---

¹ Рубеж плейстоцена и голоцена на Сахалине определяется по-разному. В соответствии с [14] он соотносится с началом потепления аллерёда, возраст которого для Сахалина варьирует в интервале 11000-11700 С14 л.н. В данной работе принята общедальневосточная традиция [13, с. 30-38], относящая этот рубеж к ~10000 С14 л.н.

культурную зону, в пределах которой население придерживалось общего вектора развития, резко отличавшегося от того, который сложился на более южных островах Японского архипелага и в бассейне Амура. Особенность этой зоны заключалась в сохранении верхнепалеолитического облика культуры, тогда как на соседних территориях люди уже активно осваивали целый комплекс неолитических новаций, включая керамическую посуду, отказ от микропластинчатых технологий, переход к орудиям цельного типа и соответствующих технологий их изготовления [30]. Причины подобной устойчивости микропластинчатых индустрий в данном ареале пока трудно объяснить [30, с. 132-133]. Раннее формирование неолитического комплекса в Японии и на Амуре часто объясняют существованием здесь благоприятных условий для нереста лосося [3; 5; 16], однако Хоккайдо и Сахалин наиболее богаты с этой точки зрения, но именно здесь верхнепалеолитические традиции оказались, напротив, законсервированы. Поэтому, скорее всего, объяснить это можно только действием культурного фактора.

К сожалению, не известно, существовали ли в эту пору какие-то контакты между населением Сахалина и Приамурья, нет даже точной уверенности, где в это время находилось устье Амура. Основной ареал обитания человека на Амуре располагался далеко на запад от Сахалина на территории современной Среднеамурской низменности, он был связан с осиповской культурой, в низовьях современного Амура известен пока только один памятник – ст. Голый мыс-4 [19]. Возраст этой стоянки соответствует начальным датам осиповской культуры, однако при раскопках здесь был найден типично палеолитический инвентарь. Наиболее яркие аналогии его пластинчатому компоненту были найдены на Сахалине (Огоньки-5), а галечному – в памятниках селемджинской культуры Среднего Амура [21, с. 61].

Других источников, которые хотя бы косвенно подтверждали существование контактов между Амуром и Сахалином в самом конце плейстоцена пока нет, а вот с Хоккайдо Сахалин связывали регулярные «обсидиановые» экспедиции [37]. В литературе, правда, есть иное мнение, основанное на находках на Сахалине листовидных бифасов, близких по форме к осиповским. Считается, что такие бифасы были распространены только на севере острова, тогда как на юге имели хождение черешковые наконечники типа тачикава, типичные для финального палеолита Хоккайдо [3, с. 170, 226-227; 4]. К сожалению, данное мнение подтверждается пока только плохо документированными источниками. Не ука-

зывается, на каких конкретно памятниках Сахалина найдены осиповские бифасы, какой конкретно формы и как установлен их возраст.

Это важно, так как листовидные формы бифасов были широко распространены в это время и в островной зоне, в том числе на Хоккайдо, а бифасы очень близкие по форме к осиповским, были известны также и в Приморье в памятниках неолита и переходного к нему времени (Устиновка-3) [22, с. 235-237]. К тому же, сходство каменных индустрий Сахалина и Приморья неоднократно подчеркивалось разными специалистами [3; 7; 9;] в том числе и для неолита [12, с. 137-139]. В таких условиях для установления происхождения бифасов требуется более глубокая проработка имеющихся материалов.

Кроме того, надо иметь ввиду, что существование человека на Сахалине на рубеже плейстоцена и голоцена пока не подтверждается ни одной радиоуглеродной датой [4]. Есть только серия дат, полученных по костям животных из пещер [3, с. 154-160], в которых либо вообще отсутствуют признаки обитания человека, либо они никак не связаны с находками продатированных костей.

Второй этап приходится на конец бореала и начало атлантика. Резкое потепление климата в начале голоцена и изменение гидрологической ситуации в бассейне Амура привели к исчезновению осиповской культуры. В северной части бассейна Японского моря в это время фиксируется хронологический разрыв, не заполненный археологическими данными. Лишь на границе бореала и атлантика здесь вновь появляются памятники, но уже с совершенно новым обликом – неолитическим. Характер культуры при этом на огромных пространствах был уже общим. Люди жили в полуподземных жилищах на достаточно крупных поселениях, вели комплексное хозяйство, сочетавшие собирательство растений, охоту и рыболовный промысел, владели сходным набором инвентаря, включавшем керамическую посуду, различия фиксируются только в деталях.

Сам по себе факт этого сходства свидетельствует о существовании в этой части Японского моря широкой сети контактов, способствовавшей распространению неолитических новаций и достижений. Но есть тому и иные свидетельства, касающиеся распространения уже самих керамических традиций. В частности, фиксируется своего рода обмен некоторыми наиболее яркими чертами гончарства между материковыми и островными культурами, которые на предшествующем этапе развивались независимо [38].

На Сахалине начало неолитической эпохи было связано с появлением примерно 7,9-7,5 С14 тыс. л.н., как минимум, трех различающихся керамических традиций, которые могут быть обозначены по ведущему памятнику: (1) Славная-4, (2) Адо-Тымово2Б, (3) Чайво-6 [см. материалы этих памятников в: 3; 4; 8]. Наиболее массово среди них представлена та, что в конечном счете закрепились на острове у носителей южно-сахалинской культуры или культуры сони (Адо-Тымово-2, Чайво-6, Венское-4, Бердянские озера-2 и др.). На формирование этой традиции, будем называть ее протосони, решающее влияние оказали ранние керамические комплексы Хоккайдо, и прежде всего с керамикой типа акацуки и урахоро (табл. 2) [см. подробнее в: 33]. Причем признаки, сближающие их, в материковом гончарстве отсутствовали.

В японской историографии происхождение керамики типа акацуки и урахоро, а также близких к ним типов, длительное время связывали с северным или амурским влиянием, т.к. по ряду признаков они отличалась от керамики, распространенной в то же время на остальной части Японии. Основания для подобных рассуждений действительно есть.

Во-первых, за исключением керамики типа акацуки, имеющей более ранние даты, все остальные типы керамики сопровождалась в комплексах развитой пластинчатой индустрией. Ранее считалось [36], что ее истоки лежат на материке, однако сейчас допускается, что ее формирование могло происходить и на Хоккайдо, поскольку здесь имелись для этого собственные ресурсы: огромные залежи обсидианового сырья и развитые традиции микропластинчатого расщепления, сложившиеся на предыдущем этапе развития. Во-вторых, посуда эта отличалась плоским дном, что было типично для материкового гончарства, тогда как на юге Хоккайдо и в целом почти на всей территории Японского архипелага в это время были распространены остродонные формы сосудов.

В свете последних исследований к этим наблюдениям можно добавить еще одно. Дело в том, что ранняя керамика Хоккайдо имеет на поверхностях следы технической обработки гребенчатым орудием. Для гончарства культуры протодзёмон эта черта была абсолютно не характерна, ее посуда отличалась исключительно гладкими стенками, однако такой технический декор был визитной карточкой осиповской культуры [38].

Практика грубой рельефной обработки сосудов проникает на Японский архипелаг только в начале голоцена, и параллельно с этим здесь начинается трансформация протодзёмонского гончарства. Вместе с самой идеей технической обработки стенок посуды в Японию проникают также инструменты и техники, с ней связанные: веревка, палочка, обмо-

танная веревкой, техники проката и гребенчатого прочеса. И если гребенчатый прочес имеет, безусловно, амурское происхождение, то веревка и прокат имели более широкое распространение, с их помощью оформлялась посуда на юге Китая, в Забайкалье и на Среднем Амуре, для Нижнего Амура они были характерны в меньшей степени.

Соответственно, все эти новации появляются и на Хоккайдо. Здесь распространяется гребенчатый прочес, узоры из оттисков палочки, обмотанной веревкой (керамика типа акацуки и урахоро), а также веревочный прокат, но распространяется он сначала только на юге острова, а на север и северо-восток, т.е. в область распространения интересующей нас керамики и пластинчатых индустрий, он проникает позже. На Сахалин из всех этих новшеств попадает только гребенчатый прочес, но и он быстро исчезает здесь из практики. Но самое интересное, что в то же самое время, когда названные выше технологические черты попадают на острова, они исчезают из гончарных традиций амурских и приморских культур. Поэтому ранняя керамика Хоккайдо, а вместе с ней и Сахалина, выглядит совершенно чуждой на их фоне. Фактически единственной их общей чертой можно считать плоскую форму дна.

Вместе с тем нельзя сказать, что островные и материковые культуры на этом этапе складывались в полной изоляции друг от друга. Отражением их взаимодействия является керамическая традиция, для которой было характерно украшение сосудов в приустьевой части узким орнаментальным фризом из оттисков штампа или стэка, в том числе с шахматным расположением элементов декора. На Сахалине она представлена в памятниках Адо-Тымово-2 и Благодатное-3, на Хоккайдо это ст. Меманбецу, Токоро-14 и др., а в Приморье и Приамурье с ней связаны памятники руднинской и кондонской культур [35]. В конечном счете эта традиция закрепляется именно в материковых культурах, тогда как на островах она не приживается и выходит из употребления.

При таком широком распространении очень трудно однозначно установить, является ли керамика типа Адо-Тымово-2Б отражением непосредственных контактов амурского и сахалинского населения, т.к. эта традиция могла попасть на Сахалин с Хоккайдо или Приморья. В пользу последнего свидетельствует тот факт, что в Приамурье до сих пор не выявлены комплексы, где была бы представлена только штамповая орнаментация, как это фиксируется в соответствующих памятниках Приморья (Рудная Пристань, Бойсмана) и Хоккайдо (Меманбецу и др.). Как известно, в раннекондонских памятниках Приамурья штамповая орнамен-

тация сопровождается гребенчатой, тогда как на Сахалине гребенчатые узоры в это время полностью отсутствуют.

Единственным памятником, возможно, отражающим ранние амуро-сахалинские контакты, является стоянка Ямихта в низовьях Амура [23]. Один из ее керамических комплексов имеет некоторые «островные» черты: примесь ракушки в тесте, наклепные ушки на венчиках и наклепная же орнаментация [31]. Для осиповской культуры и для сменивших ее памятников раннекондонского типа все эти черты были нехарактерны. Комплекс этот уникальный. Возраст его определяется в соответствии с датами по нагару на керамике в пределах 9250-8820 С14 л.н. Учитывая всю ситуацию в целом, он скорее отражает какие-то еще не оформившиеся «пробные» варианты изготовления керамической посуды, поскольку полностью идентичных ему нет ни на Сахалине, ни на Амуре. Тесная связь Сахалина и Хоккайдо в период формирования керамических традиций подтверждается и анализом каменных индустрий, т.к. здесь по-прежнему сохранялся их пластинчатый облик, и населению Сахалина для его поддержания приходилось совершать далекие экспедиции в целях добычи хоккайдского обсидиана [4]. Это вполне может быть интерпретировано как наследие давних и прочных связей сахалинских и хоккайдских культур, сложившихся еще в палеолите. Интересно, что в памятниках второго этапа вообще фиксируется несовпадение керамических ареалов и ареалов каменных индустрий.

Например, на Сахалине керамика одного и того же типа могла сопровождаться в комплексах двумя совершенно различными каменными индустриями: пластинчатой и бифасиальной [4; 8], а на Хоккайдо в культуре пластинчатых наконечников стрел зафиксировано сразу несколько типов керамики [36]. Керамика типа урагоро в памятниках Хоккайдо сочеталась с пластинчатой индустрий, а на о. Итуруп – бифасиальной. В Приморье керамика руднинской культуры сочеталась с бифасиальной индустрией [12], а на Амуре идентичная ей раннекондонская керамика – уже с пластинами [22, с. 231-343].

Чем это можно объяснить, не вполне ясно. Создается ощущение, что распространение каменных индустрий и керамики шло различными путями. При этом надо отметить, что если на предшествующем этапе развития в конце плейстоцена пластинчатый и бифасиальный комплексы были разведены ареально (бифасиальные орудия на Амуре и на палео-Хонсю, микропластины на Сахалине, Хоккайдо и в Приморье), то в эпоху повсеместного распространения в северной части бассейна Японского моря керамических комплексов такого разделения уже не наблюдается.

Показательно, что на Сахалине и Хоккайдо соперничество бифасиального и пластинчатого комплекса закончилась победой первого, тогда как на Амуре последний продержались гораздо дольше. В этом, отчасти, можно также увидеть приоритетный характер южного влияния на Сахалин.

Оценивая в целом ситуацию, сложившуюся на втором этапе, можно увидеть две тенденции. С одной стороны, Сахалин, безусловно, входит составной частью в широкую сеть контактов, сложившихся в северной части бассейна Японского моря, а с другой, можно уверенно говорить о самобытности культуры сахалинского населения. Керамика культуры сони, сложившаяся в итоге на основе ранних керамических комплексов Сахалина, исключительно оригинальна. В то же время необходимо подчеркнуть, что истоки ее следует искать на Хоккайдо, а не на Амуре. Контакты с Амуром если и существовали на этапе ее формирования, то они пока археологически практически невидимы. Более того, единственный памятник, отражающий возможные амуро-сахалинские связи в этой время, – ст. Ямихта – свидетельствует, скорее, о проникновении островных традиций в низовья Амура, а не наоборот.

Третий этап отражает определенную стабилизацию жизни в пределах северной части бассейна Японского моря. Это проявляется, прежде всего, в устойчивом развитии локальных керамических традиций. На Сахалине в это время существовала южно-сахалинская культура (сони), в Приамурье – кондонская и, возможно, малышевская, в Приморье – руднинская и веткинская культуры. И если между материковыми культурами в этой время фиксируются общие элементы, то южно-сахалинская культура существовала как будто в полной изоляции от них. Достоверных фактов, свидетельствующих о наличии контактов между Сахалином и Хоккайдо в эту эпоху также нет. На это же указывает прекращение «обсидиановых миграций», соединяющих Сахалин с Хоккайдо [4]. Это означает, что в течение довольно длительного времени Сахалин мог развиваться обособленно как от более южных, так и от более северных территорий.

Примерно 5,5-5 С14 тыс. л.н. культура сони прекращает свое существование. Есть основания говорить, что после этого территория Сахалина какое-то время оставалось мало заселенной, т.к. между самыми поздними датами этой культуры сони и самыми ранними датами следующей культуры – имчинской – имеется хронологический разрыв, не заполненный хорошо документированными источниками. Тем интереснее, что именно к этому времени относится наиболее раннее по времени и первое реальное свидетельство проникновения на Сахалин материко-

вых культур. Речь идет о появлении на Сахалине белькачинского населения: типично белькачинская керамика известна в материалах ст. Набилы 1, Музьма-Барак, Тымь-зона, Имчин-2 [4; 32].

Основной ареал белькачинской культуры связан с территорией Якутии [15]. На западе граница ее распространения проходит по верховьям Вилюя и Хатанге, на северо-востоке она отмечается в бассейне Анадыря, на юге – в памятниках Среднего [22, с. 207-213] и Нижнего Амура [20], а также на севере Сахалина. Возраст белькачинской культуры в якутском ареале определяется в пределах 5310-4120 С14 л.н. [1], на Амуре – по датам со стоянки Малая Гавань – в пределах 5070-5040 С14 л.н. [20].

По внешним признакам белькачинская керамика амурских и сахалинских памятников практически идентична [32]. Кроме того, важно, что и в амурских, и в сахалинских комплексах белькачинская посуда сопровождается каменными орудиями типичными не для Амура, а для Алдано-Ленского бассейна. Все это позволяет предположить прямую инфильтрацию носителей этой керамики на Сахалин, что для более ранних этапов пока не установлено. Однако, источником проникновения белькачинского населения на Сахалин могли стать как амурские культуры, так и собственно якутские. Для уточнения этого вопроса необходимо проводить дополнительные исследования.

Четвертый этап связан с формированием на севере Сахалина имчинской культуры [24], что ознаменовало собой наступление в амуро-сахалинском регионе совершенно новой эпохи. Ее особенность – появление культур общих для Сахалина и низовьев Амура. Строго говоря, имчинская культура и была первой такой культурой, ее вариантом на Амуре являются памятники с керамикой орельского типа, входящие в состав вознесенской культуры позднего неолита Приамурья [18]. Сходство имчинской и орельской керамики столь велико, что сахалинские археологи склонны видеть в имчинской культуре «островной вариант» вознесенской [3, с. 213], хотя однозначного ответа на вопрос, где формируются подобные комплексы, пока нет [18, с. 127-136].

По нагару орельская керамика датирована 4406 С14 л.н. [17, с. 32-33; 2004: 136]. Есть основания полагать, что существовала она и несколько позднее в комплексах, радиоуглеродный возраст которых определяется датами по нагару 4040 С14 л.н. и по углю в интервале 3650 – 3445 С14 л.н. [20]. Хронология имчинской культуры менее отработана [3, с. 210-213]. Но если оставить наиболее достоверные даты, то ее ра-

диоуглеродный возраст можно определить по углю в диапазоне 4500-3700 л.н., а по нагару на черепках – 4610-4425 л.н. [4].

Имчинско-орельские комплексы сыграли большую роль в судьбе материковых культур. Их носители, интегрируясь в состав вознесеновского населения, постепенно полностью изменили облик его керамической традиции, восходящей к более ранним эпохам амурского неолита [18, с. 138-139]. Результатом этой интеграции на Амуре стали в конечном счете памятники с керамикой малогаванского типа, представляющие собой заключительный этап развития вознесеновской культуры и амурского неолита в целом.

Интересна судьба населения, оставившего эти памятники. Оно оказалось многочисленным и подвижным. Связанные с ним памятники известны на очень широкой территории вплоть до Среднего Амура на западе [28] и оз. Ханка на юге [10; 34]. Отголоски орельско-имчинской керамической традиции хорошо прослеживаются и позже в памятниках раннего палеометалла по всему восточному Сихотэ-Алиню в виде комплексов с приземистой керамической посудой, отощенной ракушкой, имеющей отогнутые оформленные валиками венчики и слабопрофилированное тулово (см., например, лидовско-типевайские, маргаритовские, суворовские памятники восточного Приморья) [11; 27].

Имчинские памятники локализованы на севере Сахалина, на юге острова примерно в это же время известны лишь отдельные археологические комплексы, не образующие пока устойчивые типологические серии керамической посуды. К их числу можно отнести памятники с керамикой тунайчинского (Седых-1) и седыхинского типов (Седых-1, Охотск-3, Большая речка-7) [3, с. 215-220; 25; 26]. Керамика этих памятников содержит примесь ракушки в тесте, для нее характерны крайне обедненные орнаментальной практикой и разнообразные по морфологии сосуды, среди которых наиболее часто повторяется форма слабопрофилированного горшка с высоко поднятыми плечиками. Все эти признаки роднят эту керамику с имчинской.

В качестве еще одной сближающей их черты можно назвать единичные фрагменты сосудов с криволинейным орнаментом в составе седыхинских комплексов, что предопределило амурский круг аналогий, как и в случае с имчинской культурой [3, с. 221-226]. Хотя надо отметить, что истоки самой вознесеновской культуры на Амуре до сих пор достоверно не установлены [18, с. 127-136], а криволинейный орнамент, к тому же налипной, все-таки более характерен для культуры дземон, на Амуре таковой вообще отсутствует.

Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, независимо от того, каковы истоки признаков, сближающих амурскую и сахалинскую керамику на данном этапе, для нашего обзора важно, что именно в это время в амуро-сахалинской зоне впервые формируются культурные комплексы **общие** как для низовьев Амура, так и для Сахалина. С этого момента и вплоть до этнографического времени культурная история в этой зоне развивалась именно по такому – общему – сценарию, чему есть немало подтверждений (см. керамику большебухтинскую, сусуйскую, коппинскую и др.). Причем эти общие керамические традиции амуро-сахалинской зоны резко отличались от материковых, что особенно ярко напросматривается в эпоху палеометалла [29, с. 327], когда на Амуре и в Приморье стали распространяться памятники урило-польцевского круга.

Подводя итоги, хотелось бы подчеркнуть следующее. Во-первых, имеющиеся материалы явно свидетельствуют, что на начальном этапе развития, т.е. с конца плейстоцена и до начала климатического оптимума голоцена, Сахалин в культурном отношении тяготел к Хоккайдо и, возможно, к Приморью. Достоверные свидетельства существования контактов между Амуром и Сахалином появляются только на рубеже бореала и атлантика (ст. Ямихта), но они единичны, пока не очень понятны и не отменяют в целом общей ориентации сахалинского населения на культуры Хоккайдо

Во-вторых, на протяжении всего атлантического периода с момента установления климатического оптимума и окончательного сложения культуры сони население Сахалина существовало обособленно как от материковых, так и от островных культур. В конце этого периода на север Сахалин проникают носители белькачинской культуры, но контакты с культурами Хоккайдо достоверно так и не проявляются в источниках этого времени.

В-третьих, в позднем неолите на севере Сахалина и в низовьях Амура формируется общая для обеих территорий имчинско-орельская культурная традиция, ее носители интегрируются в состав коренного населения амурской долины, меняя радикально облик его керамической традиции. После этого начинается распространение этого нового амуро-сахалинского субстрата на юг в Приморье и в меньшей степени вверх по долине Амура. В этом движении с востока на запад явно читается островной импульс, оказавший существенное влияние на приморские культуры рубежа неолита и палеометалла.

Таким образом, мы видим, что на протяжении всего каменного века Сахалин если и выступал связующим звеном между островными и

материковыми культурами, то это никак не отражалось на культуре коренного населения Сахалина, которое долгое время оставалось ориентированным на Хоккайдо. Более того, в самом конце эпохи камня мы наблюдаем совершенно обратный вектор влияния – из островного мира на материк. Реальное распространение амурских и отчасти приморских керамических традиций в островной мир начинается, по сути, только в эпоху раннего средневековья.

Литература

1. Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3(39). С. 26-40.
2. Василевский А.А. К понятию «неолит» и его периодизации на острове Сахалин // Вперед... в прошлое. К 70летию Ж.В. Андреевой / Под ред. Ю.Е. Вострцова и Н.А. Ключева. Владивосток, 2000.
3. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008.
4. Василевский А.А., Грищенко В.А., Орлова Л.А. Периодизация, рубежи и контактные зоны эпохи неолита в островном мире дальневосточных морей (в свете радиоуглеродной хронологии памятников Сахалина и Курильских островов) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1 (41). С. 10-25.
5. Васильевский Р.С., Крупянко А.А., Табарев А.В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. Владивосток: ДВГУ, 1997.
6. Васильевский Р.С., Голубев В.А. Древние поселения на Сахалине. Новосибирск: Наука, 1976.
7. Голубев В.А., Лавров Е.Л. Сахалин в эпоху камня. Новосибирск: Наука, 1988
8. Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011.
9. Деревянко А.П. Палеолит Японии. Новосибирск: Наука, 1984.
10. Ключев Н.А., Яншина О.В. Финальный неолит Приморья // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 67-78.
11. Ключев Н.А., Яншина О.В. Культурно-исторические связи населения Приморья в эпоху позднего неолита (по материалам приханкайской группы памятников) // Четвертые Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье в историко-культурном и естественнонаучном контексте России» / Под ред. Н.И.

Дубининой. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. Ч. 2. С. 197-209.

12. Кононенко Н.А. Докерамические и неолитические комплексы Приморья: некоторые аспекты формирования и развития // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока (Проблемы исторической интерпретации археологических источников) / Под ред. Ж.В. Андреевой. М.: Наука, 1994. С. 108-147

13. Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005.

14. Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г., Петренко Т.А. Ранний голоцен острова Сахалин // Международный симпозиум «Первоначальное освоение человеком континентальной и островной части Северо-Восточной Азии» (Южно-Сахалинск, 18-25 сентября 2010 г.): сборник научных статей / Под ред. А.П. Деревянко и А.А. Василевского. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С. 218-219

15. Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи-1 и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969.

16. Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена и голоцена / Под ред. А.П. Деревянко, Н.А. Кононенко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003

17. Шевкомуд И.Я. Керамика позднего неолита на северо-востоке Нижнего Приамурья // Записки Гродековского музея. Выпуск 1 / Под ред. Н.И. Рубана. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2000. С. 16-49.

18. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток: ДВО РАН, 2004.

19. Шевкомуд И.Я., Като Х. Верхнепалеолитический комплекс стоянки Голый мыс-4 (Нижний Амур) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / Под ред. Н.Н. Крадина. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 14-24

20. Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии / Под ред. И.Я. Шевкомуда. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 7-46.

21. Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Переход от палеолита к неолиту в Приамурье: обзор основных комплексов и некоторые проблемы // Приоткрываемая завеса тысячелетий: К 80-летию Ж.В. Андреевой / Под ред. Н.А. Ключева, Ю.В. Вострецова. Владивосток: ООО «Рея», 2010. С. 50-72.

22. Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012
23. Шевкомуд И.Я., Фукуда М., Онуки С., Сато Х., Кумаки Т., Куникита Д., Горшков М.В., Учида Х. К проблеме раннего неолита в Нижнем Приамурье: результаты исследования поселения Ямихта // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития (Материалы региональной научной конференции, Владивосток, 18-20 ноября 2013 г.) / Под ред. Н.А. Ключева. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 11-32
24. Шубина О.А. Каменный век Северного Сахалина (имчинская неолитическая культура). Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л., 1990.
25. Шубина О.А. Археологические исследования поселения Большая речка-7 в Охинском районе Сахалинской области // Краеведческий бюллетень. 1991. № 2. С. 30-61.
26. Шубина О.А. Археологические раскопки древнего поселения Охотск-3 на Южном Сахалине (2000-2001 гг.) // Т. Amano and A. Vasilevsky (Ed.). Okhotsk culture formation, metamorphosis and ending. Proceeding of Japan and Russia Cooperative Symposium. Sapporo: Hokkaido University Museum, 2002. P. 50-61.
27. Яншина О.В. О происхождении культур раннего палеометалла Приморья // Четвертые Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье в историко-культурном и естественнонаучном контексте России» / Под ред. Н.И. Дубининой. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 2004. Ч. 2. С. 202-209.
28. Яншина О.В. Памятники раннего железного века в археологическом собрании МАЭ РА // Свод археологических источников Кунсткамеры. Выпуск 1. СПб.: МАЭ РАН, 2006 г. С. 189-265.
29. Яншина О.В. Эпоха палеометалла в Приамурье: проблемы и перспективы исследований // Российский археологический ежегодник. 2013. №3. С. 289-336
30. Яншина О.В. Понятие «неолит» и археология Восточной Азии // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 125-152.
31. Яншина О.В. Ранненеолитическая керамика стоянки Ямихта // M. Fukuda et al. (Ed.) An Archaeological Study on Prehistoric Cultural Interaction in the Northern Circum Japan sea area: Yamikhta Site Excavation Report. Tokyo: Tokoro Research Laboratory of The University of Tokyo, 2014. P. 141-152
32. Яншина О.В. Неолитическая керамика поселения Набиль-1, пункт 2 (о. Сахалин) // Первобытная археология Дальнего Востока России и

смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития (Материалы региональной научной конференции, Владивосток, 18-20 ноября 2013 г.) / Под ред. Н.А. Клюева. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 63-83

33. Яншина О.В. Новые данные о керамике культуры сони и её происхождении // Археология CIRCUM-PACIFIC: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда / Под ред. С.В. Батаршева, А.М. Шиповалова. Владивосток: «Рубеж», 2017.

34. Яншина О.В., Клюев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток: открытия, проблемы, гипотезы / Под ред. Ж.В. Андреевой. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 187–234.

35. Яншина О.В., Горбунов С.В., Кузьмин Я.В. К вопросу о раннем неолите Сахалина: стоянка Адо-Тымово-2 // Россия и АТР. 2012. С. 31-49

36. Kimura H. (Ed.) The blade arrowhead cultures over northeast Asia // Archaeological series. 6. Sapporo: Sapporo University, 1999.

37. Kuzmin Y., Glascock M., Sato H. Sources of Archaeological Obsidian on Sakhalin Island (Russian Far East) // Journal of Archaeological science. 2002. Vol. 29 (7). P. 741-749

38. Yanshina O. The earliest pottery of the eastern part of Asia: Similarities and Differences // Quaternary International. 2017. No. 441. P. 69-80

**Табл. 1. Сахалин – Приамурье – Хоккайдо:
динамика этнокультурного взаимодействия в неолите**

С14 л.н.	Содержание
~ 13000-7900	Население Сахалина, Хоккайдо и Приморья сохраняет близкий друг к другу верхнепалеолитический облик культуры и живет параллельно с культурами начально-неолитического облика: осиповской на Амуре и протодземонской на Хонсю. Отсутствуют достоверные свидетельства существования контактов между Сахалином и Приамурьем
~ 7900-6900	Осиповская и протодземонская культура исчезают, в бассейне Японского моря устанавливается широкая сеть контактов. Неолитические новации распространяются по всему региону. Некоторые технологические черты осиповского гончарства проникают на Японский архипелаг, в том числе на Хоккайдо. На Сахалине в тесном взаимодействии с культурами Хоккайдо формируется самобытная южно-сахалинской культура. Контакты с Приамурье почти невидимы в археологических материалах (Ямихта-1)
~ 6900-5500	Период независимого развития южно-сахалинской культуры, отсутствие видимых связей с материковыми культурами и культурами Хоккайдо
~ 5500-4500	Исчезновение южно-сахалинской культуры, депопуляция (?), проникновение на Сахалин носителей белькачинской керамики с Амура или Якутии. Контакты с Хоккайдо достоверно не устанавливаются
~ 4500-3300	Формирование на севере Сахалина и / или в низовьях Амура имчинско-орельского культурного комплекса – общего для амуро-сахалинской зоны. Разрушение керамической традиции вознесенской культуры амурского бассейна под влиянием «островного импульса»
~ 2800-2000	Обособление амуро-сахалинской зоны от более западных культур

**Табл. 2. Общие признаки ранних керамических комплексов
Сахалина и Хоккайдо**

Хоккайдо	г. Славная-4	г. Протосони	г. Адо-Тымово-2Б
г. АКАЦУКИ 1	Тонкие стенки Отпечатки раковины на дне	Светлый окрас Толстые стенки Формовка дна на ос- нове	
г. АКАЦУКИ 2-3	Отпечатки раковины на дне	Отпечатки пальцев на дне Кособокость Грубость формовки Грубое рельефное заглаживание	
г. УРАХОРО		Овальные доньшки Выступы на венчиках Гребенчатый прочес Рисунки на донцах	Оттиски основы на дне
г. МАМАНБЕЦУ		Примесь ракушки Гребенчатый прочес	Узоры из фигур- ного штампа

История песцового промысла на Командорских и Алеутских островах

До прихода русских голубые песцы (популяции, в которых темный зимний окрас однозначно доминировал) обитали только на Командорах и о-вах Прибылова и были представлены тремя подвидами: *Vulpes lagopus beringensis*, *V.l. semenovi* и *V.l. pribilofensis*. В восточной части Алеутской гряды встречались другие представители рода *Vulpes* – лисицы (*V. vulpes fulvus*). Благодаря обилию зверя одна из групп островов получила название Лисьих. Лисицы у алеутов являлись традиционным объектом охоты, в то время как песцы жили на безлюдных архипелагах – их заселение началось после формирования Российско-Американской компании (РАК).

До середины XVIII в. количество добываемых лисиц было относительно невелико. Интерес к пушнине резко возрос после первых контактов с русскими, возникновения активного товарообмена и формирования устойчивых торговых отношений. Поскольку мех голубого песца ценился выше лисьего и по своему достоинству уступал лишь бобровому (каланьему), русские сочли необходимым расселить животных по Ближним и Андреяновским о-вам. Первая репродуктивная пара была вывезена в 1750 г. на о. Атту. Инициатором идеи выступил селенгинский купец Андреян Толстых – передовщик промысловой партии 1749-1752 гг. Прежде, чем продолжить поход к Ближним о-вам, шитик «Св. Иоанн» зимовал на о. Беринга. Логично предположить, что пара была отловлена именно там. Условия жизни нового местообитания оказались настолько благоприятными, что во время очередного похода (судно «Св. Андреян и Наталия», 1756-1759 гг.) Толстых упромыслил в общей сложности более тысячи шкур [АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 28; 18, с. 118-119]. И хотя на о. Атту была добыта лишь часть от общего песцового промысла (другая – на о. Беринга, где судно зимовало), успех предприятия был очевиден. Быстрый рост численности молодой популяции свидетельствовал также о том, что на первых порах аттинские алеуты зверя не трогали.

Другая пара была вывезена с о. Медного и в 1768 г. доставлена на о. Умнак. Мореход судна «Св. Андреян и Наталия» Лука Вторушин, несмотря на проблемы с собственным здоровьем, чутко присматривал за своими питомцами. Покидая в 1772 г. Умнак, русские оставили на нем размножившуюся группу из 38 особей [АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 105-

108]. Однако в скором времени песцы были полностью выбиты или, что более вероятно, вытеснены аборигенными лисицами. Еще одну попытку развести песцов на Лисьих о-вах предприняли в 1810 г.: две пары с о. Св. Павла были доставлены на Уналашку. Но они в скором времени исчезли [18, с. 125]. Последующие опыты принесли тот же результат.

На островах, лежащих к западу от о. Умнака, лисицы не обитали [12, с. 7], и завезенные песцы благополучно заняли эту экологическую нишу. В первой половине XIX в. особенно много их было на о. Атке. По словам Хлебникова, их доставили туда с о. Беринга приблизительно в конце 1780-х – начале 1790-х гг. [6, с. 168; 18, с. 155-156, 180]. РАК активно содействовала дальнейшему расселению песцов. Животные были переселены на о. Кыску (по Байли – в 1835 г.; у Тихменева песцы для Кыски не отмечены) и о. Амлю (по Байли – около 1836-1838 гг. со ссылкой на Тихменева, но у последнего сказано, что песцы водились только на о. Атке; скончавшийся весной 1838 г. Хлебников также писал, что песцов на Амле нет) [21, р. 5-6; 16, с. 299-301; 18, с. 164].

К 1930-м гг. песцы занимали: Атту, Агатту, Семичи, Кыску, Се-гуам, Малый Ситхин, Крысий, Семисопочный, Амчитку, Горелый, Ама-тыгнак, Иллах, Канагу, Бобровый, Адак, Умак, Касаточий, Амурку, Гер-берта (Чагулак), Карлисл (Кигалга), Кагамил, Улягу. Восточнее группы Четырехсопочных о-вов песцы отмечены не были [23, р. 298-300]. Во второй половине XX в. в рамках американской программы по спасению канадского гуся и морских колониальных птиц различными способами (от отстрела до применения ядов) были истреблены песцы: на Амчитке – в 1956-1960 гг.; Кыске – к 1989 г.; Касаточьем – к 1985 г.; Агатту – к 1979 г.; Низком и Алаиде – к 1976 г.; Амутке – в 1983 г.; Крысьем – в 1984 г.; Малой Танаге и Умаке – в 1986 г.; Карлисле, Улаке, Амаитигнаке – к 1991 г. [21, р. 40-41]. промысел остался только на о-вах Прибылова (США) и Командорских (Россия).

Вплоть до 80-х гг. XVIII в. голубых песцов промышляли главным образом на Командорах. Наиболее многочисленной была беринговская популяция – здесь максимум добычи достигал 4 000 шкур за промысловый сезон. По словам казака Е. Басова, в зиму 1743-1744 гг. удавалось добывать до 100 и более штук за день [АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 6]. Для о. Медного сезонный максимум не превышал 1 520 шкур, но шкуры были более темные и однородные по цвету, и потому ценились выше. К середине 1750-х гг. численность зверя упала почти на порядок, а еще через 10 лет стабилизировалась на относительно невысокой величине, позволявшей добывать до 200 особей в год. Тем не менее, на фоне полного

упадка бобрового промысла песцовый выглядел относительно прибыльным.

Первое время добычей песцов занимались русские и набранные в промысловые артели жители Камчатки. Так в сентябре 1754 г. присоединившийся на о. Атту к команде «Св. Иоанна» беглый коряк С. Серебренников принес с собой 12 шкур. Указаний, что алеуты платили ясак песцовыми шкурами, не сохранилось. В XIX в. характер природопользования изменился. Место спонтанно формировавшихся компаний на паях и купеческих промысловых артелей заняла Российско-Американская компания.

Поскольку пушной запас Командорских и западных Алеутских овов был основательно подорван, Атхинский отдел вошел в основной состав колоний только в 1825 г. (в начале XIX в. он находился в подчинении Охотской конторы). Но первая «оседлая» промысловая артель во главе с байдарщиком Ф. Шипицыным была завезена на Командоры в 1805 г. Она базировалась главным образом на о. Медном. За шесть лет промысла (1805-1812, исключая 1808 г.) бригада добыла 2 500 песцов. Еще 600 было упромышлено в 1808 г. на о. Беринга, но эти шкуры пришли в негодность. «Робинзонивший» в 1810-1812 гг. на о. Беринга Я. Мыньков добыл 180 песцов. Кроме того, все члены группы (около 15 человек) были одеты в меха котиков и песцов «с ног до головы», поскольку за семь лет изоляции их европейская одежда изнашивалась. По оценке тех лет на Командорах, особенно о. Беринга, песцов было «великое множество», и помимо голубых нередко встречались белые. Для сравнения, с 1806 по 1811 гг. на всех Андреяновских о-вах было добыто всего 70 животных [18, с. 155, 157-160].

В начале 1820-х гг. И.В. Мершенин завез на Командоры первую группу алеутов (17 байдарок с о. Атту). С этого времени охотников стали распределять «одиначкам» — жилищам, привязанным к промысловым участкам, или ухожам, опоясывающим береговые линии обоих островов. Промысел начинался в начале ноября и продолжался до середины января. В феврале охотники с семьями возвращались в Гавань (главное селение на каждом из островов). В период с 1821 по 1826 г. в Охотск было отправлено 4 315 песцовых шкур [18, с. 182]. После включения Атхинского отдела в состав основных колоний, пушнину стали вывозить на о. Атту [24, р. 37].

В восточных владениях РАК песцов добывали на о-вах Прибылова (Китовых), преимущественно на о. Св. Георгия. Первыми сюда переселились алеуты с о. Атки, после 1820 г. их место заняли уналашкинцы

[24, р. XV-XVI]. Популяция *V.l. pribilofensis* была более многочисленной, в год брали до 1500 шкур. Считается, что на момент открытия архипелага (1786 г.) на островах обитали исключительно голубые песцы, но через несколько лет, в одну из морозных зим, на льдах принесло белых. Свободное скрещивание привело к появлению «дымчатой» формы [6, с. 168; 2, с. 334]. Чтобы не портить нужный оттенок, с 1858 г. во всех колониальных отделах было определено промыслять белых песцов в любое время года [16, с. 219].

В 1867 г. основная часть владений РАК отошла Соединенным Штатам, в то время как Командорские о-ва сохранили российское подданство. Вскоре на территории Сан-Франциско были образованы торговые фирмы: «Alaska Commercial Company» и «Hutchinson, Kohl & Co», частично объединившиеся в 1872 г. [26, р. 92]. С 1869 г. пушные промыслы на о-вах Прибылова арендовала «Alaska Commercial Company», в 1871 г. договор был заключен с компанией «Hutchinson, Kohl & Co». В феврале 1871 г. между представителем американского торгового дома «Гутчинсон, Кооль и Ко» А. Вассерманом и российским Министерством Внутренних Дел был заключен контракт о сдаче в аренду командорских котиковых промыслов сроком на 20 лет. Условия добычи других пушных зверей, в частности песцов, в контракте оговорены не были. Этот промысловый объект остался в пользовании островитян. В 1891 г. пушные промыслы перешли «Русскому товариществу котиковых промыслов», с 1901 по 1911 г. – Камчатскому Торгово-Промышленному Обществу, а с 1912 по 1916 – Владивостокскому Торговому Дому «Чурин и Ко». Как и во времена РАК, администрация устанавливала лимит, осуществляла контроль за добычей зверя и определяла годы запусков. Обычно помысел производился через 1-2, реже – 3 года и составлял не менее 800 шкур [14, с. 37; 4, с. 44, 117; 3, с. 168, 174].

Во время ведения охоты алеуты руководствовались «Правилами», разработанными управляющим Командорскими о-вами Н.А. Гребницким и утвержденными в 1883 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Д.Г. Анучиным [4, с. 119; 13, с. 217-219]. В соответствии с «Правилами», песцовый промысел начинался на о. Беринга 10 (22) ноября, на о. Медном – 20 ноября (2 декабря), и заканчиваться на обоих островах 1 (13) января. В 1908 г. сроки были сокращены до 20 дней на о. Беринга и 10 на о. Медном. В реальности продолжительность охоты зависела от сроков «созревания» меха и погодных условий.

Помимо сроков в «Правилах» были оговорены границы промысловых ухожей и свободных от промысла охранных зон. На о. Медном

заповедными считались юго-восточная и северо-западная оконечности острова. Первая включала всю территорию южнее Перешейка, вторая – каланьи залежки на Бобровых Камнях и в их окрестностях. На о. Беринга это была южная часть от мыса Манати до бухт Бобровой и Перегребной. В зоне ухжей было запрещено охотиться на морзверя и собирать плавник с сентября до момента окончания промысла. Октябрьскую охоту на нерп и запас выбросного леса осуществляли вдали от песцовых нор и городищ. Недопёсков (вылинявших сеголетков 4-6 месяцев) старались по возможности не трогать.

К дозволенным орудиям лова относились разнообразные капканы, кулёмки, очепы, а также огнестрельное оружие. Приезжавший на острова в 1910 г. Е. Суворов добавил к перечисленному крючки для вытаскивания из нор и «алеутские петли» *камчадах* (разновидность очепов), с оговоркой, что первые были запрещены в 1894 г., а вторые немного позже. В действительности доставать песцов крючками было запрещено еще в 1882 г. [4, с. 119], очевидно, браконьерское орудие использовалось во время командировок Гребницкого и после его выхода на пенсию. Кулёмки были запрещены в 1895 г. Таким образом, в начале XX в. легальный промысел песцов велся только капканами и путем отстрела из винчестеров и дробовиков.

Проект очередной инструкции по производству промыслов был разработан на Командорах в 1917 г. Он базировался на тех же «Правилах» 1883 г. и не учитывал опыта селективного отбора с применением ящиков-живоловов, практиковавшегося с 1890 г. на о-вах Прибылова [20, с. 65, 69-71]. Инициатором нового подхода к ведению островного хозяйства стал А.И. Черский, приехавший на о. Медный в 1915 г. в должности старшего смотрителя.

В начале XX в. объем котикового промысла резко сократился, и, как следствие, произошло падение численности песца, питавшегося мясом морского зверя. Чтобы сгладить негативный процесс, на о. Медном с 1917 г. стали предприниматься попытки организовать специальную подкормку. По инициативе Черского были заложены две «кислые ямы» по камчатскому типу: возле селения Глинки – с 15-ю тушами секачей и в бухте Жировой – с несколькими сотнями морских рыб [20, с. 76, 77]. Вскоре кислые ямы и «ледники» стали организовывать и в других точках острова, а на караульных постах проводить подкормку заблаговременно заготовленным вяленным мясом и качемазом (юколой).

В апреле 1919 г. во Владивостоке было учреждено «Управление рыбными и морскими звериными промыслами Дальнего Востока».

Управление приняло решение проводить реформы по американскому образцу, но повсеместная разруха и отсутствие регулярного транспортного сообщения не позволили осуществить намеченное. К тому же поздней осенью 1920 г. погиб сам инициатор идеи, А.И. Черский. Созданное в 1922 г. на базе «Рыбного управления» «Дальневосточное управление рыболовства и охоты» завершило разработку плана новой системы хозяйствования. Как и предполагалось, за основу был взят 30-летний опыт аналогичных работ на о-вах Прибылова (США). План предусматривал ограничение охоты на каланов, рационализацию котикового промысла и обустройство кормушек-ловушек для подкормки и селективного забоя песцов в условиях их полувольного содержания. Но тяжелая экономическая и внутривластная ситуация очередной раз заставила перенести сроки. Распоряжения правительства и новые инструкции были доставлены на о. Беринга только в 1923 г. [1, с. 425, 427, 446].

Первые кормушки-ловушки с сетными дворяками были введены в эксплуатацию во второй половине 1923 г. В соответствии с рекомендацией В.К. Арсеньева, на о. Беринга планировалось открыть три таких домика, но были установлены только два: близ села Никольского и в районе селища Северного [АКМ ГИ. 1234; 8, с. 143], причем первый из них оказался малоэффективным из-за близости административного центра и обилия упряжных собак, контроль за которыми на тот момент осуществлялся плохо. На о. Медном кормушки были оборудованы близ деревни Глинки (строительство начато в 1922 г.) и в бухте Песчаной. К концу 1924 г. их функционировало шесть: в Песчанке, близ села Преображенского, в бухтах Жировой, Корабельной, Глинке и на Перешейке. Последнюю достроили 5 октября 1924 г. [АКМ ГИ. 537-3]. Заготовку кормов проводили летом, а активную подкормку начинали с конца октября [11, с. 96; АКМ ГИ. 537-3]. Кроме «кислых ям» с морской рыбой, преимущественно треской, были организованы «ледники» с засоленными тушами секачей. Одновременно с этим к 1925 г. по указанию начкомпрома Е.Н. Фрейберга на о. Медном была полностью прекращена охота капканами и ружьями, а на о. Беринга организован небольшой песцовый питомник [АКМ ГИ. 537-3; АКМ ГИ. 1234]. Так начала формироваться система островного звероводства, функционировавшая до начала 1960-х гг. на о. Беринга и 1965 г. – на о. Медном [7]. Она включала круглогодичное наблюдение за состоянием популяции, подкормку, лечение и отбор на племя лучших производителей. При этом животные не изымались из естественной среды обитания.

Следующим этапом стало клеточное разведение зверя. В 1916 и 1917 гг. на о. Медном были отловлены и переданы уполномоченному японского правительства Кейши Ишино 8 пар (30 особей) голубых песцов для разведения на о-вах Ушишир и Магуа. Три щенка оказались лишними, и Черский выбрал пару для воспитания в неволе. Из-за недостаточного оборудования импровизированного питомника ученому так и не удалось перейти к клеточному разведению, но эксперимент в целом был успешен [20, с. 69, 82, 101].

Опыты Черского продолжил в 1924 г. Е. Фрейберг. Сетный дворик-питомник располагался в районе Северного селища на о. Беринга, первых четырех питомцев завезли с о. Медного [АКМ ГИ 1234; 10, с. 57]. В 1926 г. он получил название «Опытный питомник им. А.И. Черского». В 1936-1939 гг. на базе питомника функционировала научно-исследовательская станция Арктического института, начальником которой была Е.Д. Ильина [9, с. 161]. Там проводили опыты по скрещиванию разномастных пар для объяснения выщепления белой формы [8, с. 64], изучали протекание беременности, особенности развития щенков и патологические случаи. Полученные данные легли в основу рекомендаций по составлению кормовых рационов, определению зрелости меха и т.д. – словом, всех аспектов ухода и промысла зверя. В 1940-х гг. для этих целей стали использовать клеточные конструкции внутри сетных дворинок кормушек-ловушек. В них передерживали больных и белых особей: первых лечили, вторых содержали до тех пор, пока мех не приобретал необходимые для забоя качества [ПМА: В.Т. Тимошенко, 7.05.2015].

В 1950 г. в окрестностях с. Никольского начались подготовительные работы для строительства зверофермы Командорского зверосовхоза по клеточному разведению песца. Первых животных отловили в 1951 г. поблизости, в районе ухоя Риф [АКМ ГИ. 1570-2], но официальным годом открытия считается 1952, когда с материка были завезены селекционные особи. Проект 1950-1953 гг. курировал выпускник МПМИ старший зоотехник А.И. Котов [ПМА: З.И. Котова, 11.06.2015]. В 1960-х гг. звероферма пополнилась племенными «норвежскими вуалевыми» с большим процентом «серебра». Клеточное звероводство оказалось менее трудозатратным и давало шкуры гораздо более высокого качества. Но со временем спрос на длинноволосяные меха на международном рынке стал падать, и Россия, следуя веяниям моды, переключилась на коротковолосяные. В 1962 г. на Командорскую звероферму завезли американскую нор-

ку, а в 1969 г. был забит последний клеточный песец [15, с. 157; ПИМА: С.Е. Рогожников, 6.04.2011].

Как только система островного звероводства стала нерентабельной, от нее стали плавно уходить. В середине 1960-х гг. на о. Беринга был организован производственный участок Елизовского госпромхоза, и в обиход вновь вошли капканы [17, с. 469]. Но к середине 1990-х гг. даже этот вид промысла стал угасать. Основные причины кроются в распаде социалистической системы хозяйствования и снижении спроса на пушнину.

После организации в 1993 г. государственного природного заповедника «Командорский» основная часть промысловых угодий оказалась на охраняемой территории. В настоящее время лицензированная охота производится только в северной части о. Беринга. Добыча ведется не каждый год, и объем промысла незначителен. Охотники ставят капканы, как это было во времена госпромхоза, но есть и такие, которые предпочитают сперва подкармливать и приручать животных.

В 2009 г. родовая община «'Анг'ус» («Прибой») по главе с алетом А.Ю. Кузнецовым построила сетный дворик в районе бывшего Саранного уюжа. Данный способ отлова приближен к островному звероводству, но не содержит полного комплекса зоотехнических мероприятий, как это было в период расцвета. Первый промысловый сезон принес 78 шкурок, не менее востребованным оказался и песцовый жир. «'Анг'ус» использует сетный дворик и по сей день. Несмотря на положительный результат, остальные общины не спешат последовать примеру, поскольку промысел остается нерентабельным. Проблема не столько в затратах труда и времени, сколько в дороговизне современного способа обработки и окрашивания шкур. Ситуацию усугубляют дополнительные транспортные расходы. Таким образом, современная добыча песка на Командорских о-вах ориентирована не на активную внешнюю торговлю, а на насыщение условного «внутреннего рынка». При этом лечебный песцовый жир востребован едва ли не больше, чем сами шкуры.

Литература

1. Арсеньев В.К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток : Госкнига, 1923. С. 420-464.
2. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб. : Императорская Российская Академия, 1840. Ч. II. 409 с.

3. Волошинов Н.А. Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба Подполковника Волошинова в 1884-1885 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. : Военная типогр., 1887. Вып. 16. С. 160-295.
4. Гребницкий Н.А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск : типогр. Н.Н. Сеницына, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 43-125.
5. Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. М. : Academia, 2009. 672 с.
6. Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб. : Морская типогр., 1812. Ч. 2. 224 с.
7. Загребельный С.В. Командорские подвиды песка: история возникновения и использования островных популяций // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей : Доклады III науч. конф. 26-27 нояб. 2002. ПК : изд-во КамчатНИРО, 2003. С. 49-54.
8. Ильина Е.Д. Островное звероводство. М. : Международная книга, 1950. 302 с.
9. [Ильина Е.Д.] Путевые записки и лирические отступления научного работника. М. : [б. и.], 2009. 250 с.
10. Ляпунова Р.Г. К этнической истории Командорских алеутов // Краеведческие записки Камчатского областного краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский : Дальневосточное книжное изд-во, 1989. Вып. 6. С. 40-61.
11. Редько Б.А. Алеуты Командорских островов // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск, Владивосток : общество Книжное Дело, 1927. Вып. 5. С. 69-112.
12. [Сарычев Г.А.] Путешествие Флота Капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота Капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. СПб. : типогр. Шнора, 1802. Ч. II : Со времени отправления из Петропавловской гавани до окончания экспедиции. 192 с.
13. Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб. : типогр. В.Ф. Киршбаума 1912. 324 с.
14. [Сулковский П.Г.] Записка П.Г. Сулковского о плавании на клипере «Стрелок» в Ледовитый океан и на Командорские острова // Сборник

главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск : типогр. Н.Н. Синицына, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 22-42.

15. [Сушков С.И.] Из доклада председателя Алеутского райисполкома Сушкова С.И. на районном партийном собрании о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» 22 февраля 1963 г. // Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР 1917-1985. Петропавловск-Камчатский : Камч. отд-ние Дальневост. кн. изд-ва, 1986. С. 157-159 (со ссылкой на ПАКО. Ф. 6. Оп. 14. Д. 2. Л. 3-7).
16. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящего времени. СПб. : типогр. Э. Веймара, 1863. Ч. 2. 389 с.
17. Фомина Н.С., Фомин В.В. Островное звероводство как первый этап промышленной domestikации песцов // Вестник ВОГиС. 2010. Т. 14, № 3. С. 460-477.
18. [Хлебников К.Т.] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / под ред. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой. Л. : Наука, 1979. 280 с.
19. [Черепанов С.] Сказка тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759-1762 гг. // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М. : ОГИЗ, 1948. С. 113-120.
20. Черский А.И. Командорский песец // Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке, 1919. Токио : типогр. Японо-Русского Клуба, 1920. Вып. 1. С. 60-107.
21. Bailey E.P. Introduction of foxes to Alaskan Islands – history, effects on avifauna, and eradication // U.S. Fish and Wildlife Service Resource Publication. Resource Publication 193. Washington, 1993. P. 1-55.
22. Dybowski B.J. Wyspy Komandorskie. Lwow : Z I. Związkowej drukarni we Lwowie, 1885. 104 s.
23. Murie O.J. Fauna of the Aleutian Islands and Alaska Peninsula // North American Fauna. Washington : U.S. Government printing Office (U.S. Department of the Interior Fish and Wildlife Service), 1939. No 61. P. 1-364.
24. [Netsvetov I.]. The Journals of Iakov Netsvetov : the Atkha Years. 1828-1844 / With Introduction and Supplementary Material by L. Black. Kingston, Ontario, Canada : The Limestone Press, 1980. 342 p.

25. Stejneger L. Eine Umsegelung der Berings-Insel // Deutsche Geographische Blätter. Bremen, Deutschland : Herausgegeben von der Geographischen Gesellschaft in Bremen, 1885. Band VIII. Heft 3. S. 225-273.
26. Stejneger L. The Russian Fur-Seal Islands // United States Fish Commission Bulletin 1896. Washington : Government Printing Officer, 1896. P. 1-148.
27. АРГО (Архив Русского географического общества). Полонский А. Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год // АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2
28. АКМ (МБУ «Алеутский краеведческий музей», Главная инвентарная книга).
Котов А.И. Зоотехнический отчет за 1951-1952 гг. по о. Беринга // АКМ ГИ 1570-2.
Фрейберг Е.Н. Командорский дневник 1924-1925 гг. // АКМ ГИ 1234.
Фрейберг Е.Н. Предварительный отчет по Командорским пушным промыслам за 1924-1925 гг. Начальника промыслов Е.Н. Фрейберга // АКМ ГИ 537-3.

Полевые материалы автора (ПМА): устные сообщения местных жителей - Веры Терентьевны Тимошенко (1927 г.р.), Геннадия Михайловича Яковлева (1935 г.р.); Кирилла Терентьевича Ладыгина (1939-2017), Сергея Егоровича Рогожникова (1947 г.р.), Марии Семеновны Кузнецовой (1948 г.р.), Петра Модестовича Яськина (1960 г.р.), а также жены старшего зоотехника А.И. Котова Зинаиды Ивановны Котовой (1926 г.р.).

Прил. 1. Промысел песцов в XVIII в.

Годы похода	Название судна	Основные места промыслов	Число добытых шкур (в скобках даны различия в источниках, пояснения)
1743-1744	«Св. Петр»	Беринга	4 000 (<i>V.l. beringensis</i>)
1745-1746	«Св. Петр»	Беринга, Медный	2 240
1747-1748	«Св. Петр»	Медный	1 520 (<i>V.l. semenovi</i>)
1747-1748	«Св. Иоанн»	Беринга, заходил на Медный	1 421 (1 481)
1747-1749	«Св. Симеон и Анна»	Медный	2 110 (<i>V.l. semenovi</i>)
1748-1749	«Св. Перкун и Занат», разбилось, отстроено «Капитон»	Беринга, заходило на Медный	650
1749-1750	«Св. Петр»	Медный	1 080 (<i>V.l. semenovi</i>)
1749-1752	«Св. Иоанн»	Беринга, Ближние	720 (<i>V.l. beringensis</i>), завезена пара на о. Атту
1750-1752	«Св. Симеон и Анна», разбилось, отстроено «Св. Иеремия»	Медный	1 900 (<i>V.l. semenovi</i>)
1750-1754	«Св. Иоанн»	Беринга, Медный	2 698 голубых, 224 белых (7 044)
1752-1757	«Св. Борис и Глеб» разбилось, отстроено «Авраам»	Беринга	3 851, в т.ч. с разбившегося «Св. Петра» (1 222 – возможно, со «Св. Петра»)
1753-1755	«Св. Иоанн»	Беринга, Атту	63, из них 12 с Атту (82)
1754-1758	«Св. Петр» разбилось, команду и шкуры песцов вывезли: «Св. Андреян и Наталия», «Авраам», «Св. Капитон»	Медный, Беринга	1 400 голубых, 300 белых, 300 недопёсков
1756-1759	«Св. Андреян и Наталия»	Беринга, Атту, Агату	1 040 и 773 с разбившегося «Св. Петра»
1757-1761	«Св. Капитон», разбилось близ о. Киски, затем у Ближних	Крысьи	4 (или с Атту, или с разбившегося «Св. Петра»)
1758-1762	«Св. Иулиан»	Медный, Лисьи	1 263 голубых (<i>V.l. semenovi</i>)
1759-1762	«Св. Захарий и Елизавета»	Ближние	530 голубых (1880)
1759-1763	«Св. Иоанн Предтеча»	Беринга, Атту	236 и много шкур

			использовано на платья и одеяла (109 – возможно, с Атту)
1760-1763	«Св. Прокопий и Иоанн»	Ближние, Крысьи	63 голубых (67)
1760-1764	«Св. Андреян и Наталия»	Беринга, Андреяновские, Ближние	532 (с Ближних)
1762	«Св. Петр и Павел», разбилось близ Атту	Ближние	9
1762-1766	«Св. Андреян и Наталия»	Медный, Кадьяк, Лисьи	66 голубых, 30 одеял, 2 паркы
1764-1766	«Св. Прокопий и Иоанн»	Беринга, Ближние, Лисьи	1 050
1764-1768	«Авраам», разбилось на Медном, отстроено «Св. Петр и Павел»	Медный, Беринга	1 733 голубых
1765-1769	«Св. Владимир»	Беринга, Атту	1 045 голубых
1767-1770	«Св. Петр и Павел»	Медный, Беринга, Андреяновские	1 093 голубых
1767-1772	«Св. Андреян и Наталия»	Медный, Лисьи	700 голубых, с о. Медного на о. Умнак перевезена пара
1768-1772	«Св. Иоанн Предтеча»	Беринга	1 280 голубых (<i>V.l. beringensis</i>)
1768-1773	«Св. Николай»	Медный, Ближние, Андреяновские	1 127 голубых
1770-1774	«Св. Александр Невский»	Беринга, Андреяновские	1 130 (<i>V.l. beringensis</i>)
1772-1778	«Св. Михаил»	Беринга, Лисьи, Андреяновские	901 голубых (<i>V.l. beringensis</i>)
1772-1779	«Св. Владимир»	Медный, Атту, Умнак	1 104 голубых
1773-1779	«Св. Евпл»	Беринга, Лисьи	1 008 голубых (<i>V.l. beringensis</i>)
1774-1778	«Св. Прокопий»	Командорские	990
1776-1779	«Св. Апостол Павел» Алина	Командорские	1 584 голубых
1776-1781	«Св. Александр Невский»	Медный, Беринга, Амчитка	1 106 голубых
1777-1781	«Св. Апостол Павел» Орехова	Медный, Уналашка	327 (<i>V.l. semenovi</i>)
1777-1781	«Св. Варфоломей и Варнава»	Командорские, Андреяновские	1 600
1777-1781	«Св. Изосим и Савватий»	Командорские, Андреяновские	1 116

1777-1782	«Св. Андрей Первозванный», разбилось на Беринга	Беринга, Атту, Амчитка	609
1779-1785	«Св. Иоанн Предтеча»	Командорские, Ближние, Андреяновские	724 (727)
1780-1786	«Св. Евпл»	Беринга, Амля, Лисьи	1 134
1780-1786	«Св. Иоанн Рыльский»	Беринга, Ближние	931
1781-1786	«Св. Алексей»	Лисьи, Шумагинские, Командорские (?)	544
1781-1786	«Св. Изосим и Савватий»	Андреяновские	150 (<i>V.l. beringensis</i>)
1781-1787	«Св. Апостол Павел»	Медный, Амчитка	1 106
1781-1787	«Св. Апостол Павел», разбилось близ Амчитки, отстроено «Св. Кирилл»	Медный, Амчитка	56
1781-1791	«Св. Александр Невский»	Лисьи, Прибылова	2 475 (<i>V.l. pribilofensis</i>)
1783-1790	«Св. Николай»	Беринга	Данных о промысле не сохранилось
1784-1789	«Св. Апостол Павел» разбилось на Медном, команду и шкуры вывез «Св. Николай»	Медный, Кадьяк, п-ов Кенай	510
1785-1787	«Св. Георгий Победоносец»	Беринга	183 (<i>V.l. beringensis</i>)
1787-1791	«Св. Изосим и Савватий»	Прибылова	4 850 (<i>V.l. pribilofensis</i>)
1788-1793	«Св. Георгий Победоносец»	Беринга	946 (<i>V.l. beringensis</i>)
1790-1797	«Св. Георгий Победоносец»	Беринга, Кенайский залив, Прибылова (?)	1 453
1792-1802	«Св. Изосим и Савватий»	Медный, Уналашка	Промыслы не сохранились
1786-1797	Суда компании Шелихова и Голиковых	Беринга, Лисьевские, Кадьяк и др.	600, часть из них <i>V.l. beringensis</i>

Таблица базируется на данных рукописи А. Полонского и сводной таблице А. Гринева [АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2; 5, с. 636-641]. В тех случаях, где это возможно, приведены название подвида, варианты окраса и возраст

Прил. 2. Промысел песцов на Командорских островах в XIX – нач. XX вв.

Год	На о. Беринга, по Суворову (1847-1911 гг.) [13, с. 219, 220, 224, 225]	На о. Беринга, по Стейнегеру (1872-1882 гг.) [25, с. 249-250]	На о. Медном, по Суворову (1847-1911 гг.)	На о. Медном, по Арсеньеву (1909-1920 гг.) [1, с. 445]	На обоих о-вах, по Гребницкому (1871-1881 гг.) [4, с. 67, 91] и Дыбовскому (1872-1883) [22, с. 63-64]
1847*	772		64		
1848	–		–		
1849	–		3		
1850	–		384		
1851	–		–		
1852	1900		516		
1853	547		261		
1854	435		220		
1855	–		133		
1856	1025		180		
1857	–		2		
1858	–		–		
1859	1233		776		
1860	584		488		
1861	–		–		
1862	–		–		
1863	–		–		
1864	–		–		
1865	–		–		
1866	–		–		
1867	–		–		
1868	1091: 986 гол., 105 бел.		465 гол.		
1869	–		300 гол.		
1870	550		209 гол.		
1871	890: 870 гол., 20 бел.		326 гол.		–
1872	608: 580 гол., 28 бел.	840: 836 гол., 4 бел.	390 гол.		1 030
1873	538: 514 гол., 24 бел.	608: 580 гол., 28 бел.	475: 451 голубой, 24 бел.		1 065
1874	–	538: 514 гол., 24 бел.	447 гол.		985
1875	1 137 гол.	–	–		–

1876	592: 573 гол., 19 бел.	1 137: 1 087 гол., 50 бел.	696 гол.		1 833
1877	–	592: 573 гол., 19 бел.	–		592
1878	–	–	619 гол.		–
1879* *	–	789 гол.	503 гол.		1 390: 790 на Бер. и 600 на Медн.
1880* *	–	–	–		503: на Медн.
1881	580: 533 гол., 47 бел.	–	908 гол.		–
1882	888: 874 гол., 14 бел.	1 467: 1 447 гол., 20 бел.	525 гол.		2 500
1883	–		–		2 000: 1 000 на Бер. и 1 000 на Медн.
1884	1520: 1507 гол., 13 бел.		701 голубой		
1885	–		–		
1886	894: 888 гол., 6 бел.		1 голубой		
1887	–		1311 гол.		
1888	–		–		
1889	1490: 1468 гол., 22 бел.		692 гол.		
1890	–		–		
1891	–		–		
1892	1581 голубой		836: 833 гол., 3 бел. (на стр. 220 указан 1891 г.)		
1893	20: 14 гол., 6 бел.		–		
1894	1358: 1345 гол., 13 бел.		732 гол.		
1895	15: 13 гол., 2 бел.		–		
1896	1275: 1266 гол., 9 бел. (на стр. 219 указано 1266		40 гол.		

	для 1895 г.: 208 кулёма- ми, 259 ружьём, 799 капканами)				
1897	14 гол. (на стр. 220 указано 0 для 1896 г., шкуры не были опла- чены)		975 (на стр. 220 указан 994 для 1896 г.)		
1898	1319 гол.		6 гол.		
1899	32 (Департа- мент Земле- делия: 61: 63 гол., 1 бе- лый)		31 голубой		
1900	1893: 1883 гол., 10 бел.		–		
1901	6: 1 голубой, 5 бел.		10 гол.		
1902	1260: 1257 гол., 7 бел.		619 гол.		
1903	34: 17 гол., 17 бел.		15 гол.		
1904	1062: 1052 гол., 10 бел.		471 голубой		
1905	53: 39 гол., 14 бел.		9 гол.		
1906	1186: 1172 гол., 14 бел.		725 гол.		
1907	411: 404 гол., 7 бел.		13 гол.		
1908	1034: 1024 гол., 10 бел. (на стр. 220 указан 1034 для 1907 г.: 616 капка- ном, 418 ружьём)		722 гол. (на стр. 220 указано 723 для 1907 г.: 628 капка- ном, 86 ружьём, 9 падших?)		
1909	825: 815 гол., 10 бел.		19 гол.	772	
1910	1053: 1035 гол., 18 бел.		595 гол. (на стр. 220 указано 590	–	

			для 1909 г.: 505 капка- ном, 85 ружьем)		
1911	(на стр. 220 указано 309 для 1910 г.: 197 капка- ном, 112 ружьем)		–	461	
1912				–	
1913				440	
1914				–	
1915				348	
1916				–	
1917				продано 11	
1918				255	
1919				продано 37, из них 19 падших	
1920				252	

* Поскольку промысел проводился в зимнее время, указан год окончания промысла; количество отражает только те шкуры, которые были приняты конторой и оплачены.

** Данные Гребницкого точно отражают год окончания промысла и выдачи денежных сумм, в то время как в таблицах Суворова прослеживаются временные сдвиги, порождающие многочисленные неточности.

**Соотношение социальной и этнической идентичности
у командорских алеутов**

Идентичность – это психологическое представление человека о своем «Я», характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т.д.) [15]. Научный анализ идентичности как явления и конфликтов идентичностей разного порядка (социальной, профессиональной, этнической и т.п.) переживает второе рождение в отечественной этнологии, не в последнюю очередь благодаря дискуссии, которую развернул в начале 2000-х годов академик В.А. Тишков [16]. В силу культурной специфики и истории отечественной науки трактовка категории «этническая идентичность» наиболее противоречива.

Этническая идентичность – 1) «это осознание, восприятие, эмоциональное оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности» [14]; 2) «составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности» [15: 234]. Таким образом, с одной стороны, этническую идентичность можно рассматривать как самостоятельную категорию, с другой - как часть социальной идентичности. С точки зрения психологии этническая идентичность (равно как и другие виды идентичности) в определенные моменты выполняет функцию психологической защиты, а также отделяет индивиду как часть своей группы от других этносов и их представителей.

Давайте теперь обратимся к истории формирования этнической идентичности у алеутов. Восприятие индивидом собственной принадлежности к какой-либо этнической группе, среди прочего, выражается языковыми средствами через самоназвание (эндоэтноним). В отношении этнонима «алеут» можно встретить распространенную ошибку. Считается, что самоназвание алеутов – *унанган* – это их общее самоназвание [12]. В действительности *унанган* – это название уналашкинско-лисьевской территориальной группы алеутов. Так, например, алеуты о. Ахта называли себя *нигугис*, алеуты Ближних о-вов – *сасханакис*, алеуты Крысьих островов – *цагус*, а жители о. Кадык – *канагис* [11: 109].

Г.А. Меновщиков указывал на то, что вооруженные алеуты при встрече с иноплеменниками выкрикивали клич - «аллитхух» (обозначавший «община», «отряд», «команда», «войско»), давая понять, что пришедшая группа столкнулась с вооруженной группой местных людей, готовых к нападению неприятеля и обороне. Русские путешественники и промышленники интерпретировали это слово как самоназвание всех алеутов. Ввиду частого употребления в беседах с русскими оно было адаптировано и стало использоваться для именованя островитян в качестве этнонима. Приведем такое высказывание купца Ф.А. Кулькова, прожившего в XVIII в. два года на островах: «сами себя на своем языке называют алеут» [цит. по 12: 109-113]. Каждая группа алеутов обозначала и идентифицировала себя в контексте географического, группового или родового разграничения.

Условия, сложившиеся в регионе с момента появления европейцев в XVIII в. и учреждения Российско-Американской торговой компании в 1799 г., привели к сложным социальным процессам у алеутов [2: 74; 10: 22]. РАК выступала в роли полноправного хозяина аборигенного и служилого населения. Фактически были сформированы политарные экономические отношения между Российско-Американской компанией и алеутами [3: 53]. В период тесных контактов с русскими, ввиду межкультурных связей и экономической зависимости, у алеутов происходило формирование и одновременно трансформация новых социальной и этнической идентичностей.

Лучше всего это видно из анализа социальной структуры транзитного алеутского общества. Так, возникает социальная прослойка *кагоров* – зависимых алеутов, которые попали в экономическую зависимость от РАК [8: 164]. Эта новая социально-экономическая группа должна была быть соотнесена с привычными для алеутов социальными стратами традиционного общества.

Одновременное сочетание формирования и изменения идентичности может до известной степени объяснить, почему ее защитный механизм не сработал и не обеспечил должной консолидации алеутского этноса. И. Вениаминов приводит пример бытования у них легенды-пророчества о приходе к алеутам людей из-за моря, в результате чего они станут как эти люди [цит. по 3: 55]. Подобный миф встречался у многих (не только островных) народов в разных частях земного шара, и записан он был, как правило, со слов миссионеров или других европейских культуртрегеров. В ключе наших рассуждений оригинальность данной легенды не имеет особого значения, важно лишь, что такое видение существо-

вало. Это «сакральное знание старцев» влияло на инкультурацию молодого поколения и на восприятие алеутами новой системы ценностей, в том числе религиозных.

Во второй половине XIX – начале XX вв. начинаются следующие качественные сдвиги идентичности алеутов, связанные с территориальным размежеванием островных владений России и Америки. Командорские алеуты «отказываются» от своей идентичности «алеут» и начинают называть себя «креолами», брать русские имена и фамилии, увеличивается число межэтнических браков [3: 112-113], что приводило к добровольному отказу от своей «традиционной» этнической принадлежности. Этот переход окончательно оформляется уже в советское время в связи с политикой русификации и индустриальным развитием. По сообщению алеута Э. Гребзды в 1930-х гг. в школах на Камчатке и на Командорах преподавали на русском языке, все официальные отношения и контакты были на русском языке, правда в быту сохранялось русско-алеутское двуязычие [5].

По мнению И.С. Гурвич реконструкция социально-экономической сферы, повышение уровня материального благосостояния и улучшение бытовой культуры повлияли на исчезновение последних примитивных элементов традиционной материальной культуры алеутов. Усилилось сближение алеутов с пришлым населением. Известное развитие получил процесс рассеивания алеутов. Со временем произошла языковая смена, добровольный переход с двуязычия на русский язык. Маленькая алеутская народность сохранила свое национальное самосознание, которое лишь до поры еще не слилось с русской нацией [3: 123]. Противоположную позицию относительно ассимиляции командорских алеутов занимала Р.Г. Ляпунова. В период экспедиционных исследований 1975-1977 гг. она зафиксировала сохранение этногенетических знаний о происхождении алеутов и миграционных процессах. Отметим здесь же, что Р.Г. Ляпунова выделяла командорских алеутов в отдельную самостоятельную субэтническую общность по отношению к алеутам других островов. В ходе опросов она также выяснила, что смешанные по крови и живущие на материке люди часто уже не называют себя алеутами, в то время как их близкие родственники, вернувшиеся на Командоры, относят себя к последним [11: 85-86, 202]. Этот пример хорошо иллюстрирует инструментальный характер этнической идентичности, а также важность осознания территориального, а не кровного единства (в скобках отметим, что почти для всех островитян при деконструкции родственных отношений на первый план выходит общность их территори-

альной принадлежности. Сравни, например, высказывание М. Пукуи в отношении гавайской семьи – жители «короткого наветрия» (район на о. Гавайи) – все родственники, где бы они не жили, так как привязаны определенными теплыми чувствами к своей земле [18].

В 1980-е Р.Г. Ляпунова фиксировала интенсивные миграционные процессы между островами и материком, ввиду чего было сложно установить точную численность населения. По ее приблизительным оценкам общая численность населения Командор составляла тогда 1350 чел., из них 275 алеутов. В смешанных семьях аффилиация по алеутской линии была возможна при наличии алеутской национальности у любого из родителей (как правило у матери). Отметим здесь же, что в ходе наших полевых исследований на о. Беринга в 2016 г. [9] мы встречали осуждение подобной практики со стороны «укорененных» членов алеутской общины, которые также сообщали о желательности отнесения к алеутам не только детей от обоих родителей-алеутов, но и проверки наличия алеутской крови хотя бы до третьего колена. Нельзя сказать, что эта точка зрения распространенная, скорее наоборот, но само ее появление симптоматично. Косвенную причину ее бытования мы видим в обострении борьбы за ресурсы острова (согласно 82 ФЗ алеуты, как и другие КМНС, имеют право на приоритетное использование местных биоресурсов) в условиях роста числа вернувшихся с материка на малую родину алеутских отходников.

Формализованная реестровость и директивность отнесения к списку КМНС и ДВ давно уже является источником конфликтности в среде старожильческого населения в самых разных уголках нашей страны. Для решения данного вопроса необходима «умная» совместная работа всех заинтересованных лиц – законодателей, экспертов и общественных активистов. (Решать ее надо не путем лишения этих прав представителей коренных народов, чего они чрезвычайно опасаются, а путем наделения соответствующими правами остальное старожильческое население, а также через мониторинг вовлеченности в реальный хозяйственный оборот земельных и биоресурсов).

Из выше сказанного не следует, что экономическая целесообразность стала важнейшей причиной конструирования идентичности. Однако она сегодня объективно консервирует, пусть формальную, этническую идентичность, препятствуя окончательному размыванию этнических границ. Во времена полевых исследований Р.Г. Ляпуновой казалось, что границы эти почти исчезли по причине «резкого численного преоблада-

ния русского населения... роста смешанных браков... исчезновения многих черт традиционного быта» [6: 86].

Социально-экономические проблемы, отмечавшиеся на островах в конце 1980-х гг. и даже ранее (такие как алкоголизм, низкая трудовая дисциплина, асоциальное поведение, низкий уровень образования и др.) приводили к осознанию непрестижности этнического статуса алеутов. Отмечалась и их экономическая дискриминация, например, в части размера оплаты труда, трудоустройства и т.п. Все это приводило к добровольному отказу от своей этнической принадлежности и, в конечном счете, деградации традиционной культуры.

Тем не менее, даже в позднесоветское время полная ассимиляция и аккультурация алеутов ставились многими исследователями под сомнение. В 1990-е годы после краха СССР, коллапса советской экономики, значительного оттока приезжего населения с островов, нарушения снабжения и регулярной связи с материком случился внезапный ренессанс традиционной культуры. В эти годы, чтобы выжить «мы все здесь стали алеутами» - сообщал нам один из респондентов (украинец по национальности) [9]. Причем, в этом возрождении участвовало большое число и неалеутов, что еще раз приводит нас к мысли об универсальности территориального и деятельного подхода к определению этничности (по крайней мере на островах, где возможно так называемое face-to-face взаимодействие и классическое самоуправление территориальной общины, это правило работает на большом числе примеров из самых разных уголков Тихого океана – от Командор до островов Самоа).

Таким образом, главную роль в этнической идентичности алеутов играло и играет представление об общности для них той или иной малой родины. Подобная идентичность с самых первых контактов с европейцами имела крайне размытые границы, как ввиду значительного численного доминирования пришлого населения, так и последующей языковой ассимиляции.

Специфика островной идентичности алеутов Командор обуславливается одновременной зависимостью и большей или меньшей автономностью от материковой части.

На формирование представлений алеутов о собственной идентичности огромное влияние оказало пришедшее российское население, при этом условно можно выделить следующие качественные переходы этого процесса:

1. XVIII - первая половина XIX вв. – период ранних контактов и установления «политарных экономических отношений» между русскими и алеутами, изменение автохтонной социальной структуры;
2. вторая половина XIX – начало XX вв. – период креолизации местного населения, дивергенция алеутских территориальных общин;
3. советский период - индустриализация и русификация, утрата родного языка, рост доли межэтнических браков на фоне значительного притока трудовых мигрантов во второй половине данного периода, как следствие нейтральное или негативное отношение алеутов к своей этнической идентичности;
4. с распада СССР до настоящего времени - период «территориальной акцентуации», ренессанс традиционной культуры на фоне распада советской модели политики и экономики, «капитализация» собственной этнической принадлежности в условиях рыночных отношений («этничность как меновая форма»).

Сегодня территориальная идентичность «командорец» в некоторых аспектах сближается с этнической – «алеут» и часто выходит на первый план. Все зависит от ракурса и уровня обращения к ней. На микроуровне важно знать из какого семейства происходит человек, когда приехал на острова; для алеутской общины Командор с начала 1970-х после закрытия поселка Преображенское на о. Медном референтным стал еще и вопрос о беринговском или медновском происхождении [9]. Однако уже на более высоком уровне (при общении с материковыми жителями) островная идентичность превалирует над всеми иными формами. Понятие «командорский алеут» здесь настолько неопределенное, что зачисление в эту группу может происходить просто по факту рождения и/или длительного проживания на острове, при этом «алеутская кровь» может фиксироваться у человека не только в поколении родителей, но и других родственников (в поколении мам и пап, бабушек и дедушек). Отдельным вопросом является идентификация по фенотипическим признакам. Видимые границы в ходе физической ассимиляции и контактов с фенотипически отличным пришлым населением постепенно стирались. Сегодня они достаточно размыты. Хотя физические антропологи без труда зафиксируют наличие на о. Беринга условно «долихоцефальных» и «брахицефальных» вариаций алеутского населения, судить о генезисе этих различий можно только при проведении подробных генетических и биомедицинских исследований (особенно успешной такая работа могла бы быть в сочетании физико-антропологических и этно-исторических исследований). Кроме того, внешние различия, выраженные в цвете ко-

жи, большей или меньшей складки эпикантуса и т.п. давно уже не играют роли, хотя бы потому что само пришлое население чрезвычайно разнообразно по своему происхождению и этническому (национальному) составу.

Из таблицы 1 видно, что по официальным данным администрации Алеутского муниципального района по состоянию на 01 января 2016 г. на Командорских островах постоянно проживало 695 человек (что несколько больше официальных данных переписи населения 2010 г.). Они относят себя к 12 национальностям, при этом подавляющая часть населения принадлежит к алеутско-русскому большинству (95,1 % от общего числа жителей) с незначительным преобладанием алеутов в нем.

В заключении отметим, что группа «командорские алеуты» сегодня является скорее социальной, нежели этнической или языковой категорией. При этом понятия «алеут», «алеутская культура» присутствуют в сознании значительного числа жителей острова, что обеспечивает устойчивую трансляцию этнического самосознания от родителей своим детям.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога/ Анцупов А.Я., Шипилов А.И. - 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. – 528 с.
2. Гринев А.В. Туземцы Аляски, Русские промышленники и Российско-Американская Компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение. 2000. №3. С. 74-88.
3. Гурвич И.С. Алеуты Командорских островов // Советская Этнография. 1970. №5. С. 112-124.
4. Казакова Е.А. Теоретические подходы изучения дуальности «свое-чужое» // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 11. С. 120-125.
5. Картавцев К.С. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Петропавловск-Камчатский. Январь 2016 г. (беседа с Гребздыем Эриком Индриковичем, 1934 г.р.)
6. Корсун С.А. Американистика в МАЭ в XX-XXI веках: собирательская и исследовательская деятельность // Этнография и археология коренного населения Америки. Сборник МАЭ. Т. 56. СПб.: Наука. 2010. – 290 с.
7. Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере (1714-2014) / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб.: МАЭ РАН. 2015 – 504 с.

8. Лазарев А. Плавание вокруг света на шлюпе Ладога в 1822, 1823 и 1824 годах. Санкт-Петербург: Морская Типография, 1832. – 276 с.
9. Латушко Ю.В. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция на о. Беринга. Август 2016 г. (информанты: Тимошенко (Ладыгина) Вера Терентьевна, 1927 г.р., Яковлев Геннадий Михайлович, 1935 г.р. и др.)
10. Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов. Л.: Наука, 1975. – 199 с.
11. Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987. – 227 с.
12. Меновщиков Г.А. О происхождении этнонима «алеут» // Советская Этнография. 1980. №1. С. 109-117.
13. Окунь С.Б. Российско-Американская компания. [Электронный ресурс].
URL:http://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/05_15_2.html (Дата обращения 15.01.2017)
14. Садохин А.П. «Свой-чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопросы культурологии. 2007. №3. С. 15-19.
15. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Стефаненко Т.Г. - 3 изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
16. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. — 544 с.
17. Файнберг Л.А. Общественный строй эскимосов и алеутов. М.: Наука, 1964. – 358 с.
18. Pukui M.K., Handy E.S.C. The Polynesian family system in Ka-‘U, Hawai’I // Journal of Polynesian society. 1953. Vol. 62. No. 2. P. 123-168.

Табл. 1. Численность и национальный (этнический) состав Командорских островов по данным администрации Алеутского муниципального района Камчатского края по состоянию на 01.01.2016 г. [9]

1.	алеуты	336
2.	русские	325
3.	украинцы	9
4.	белорусы	4
5.	корейцы	4
6.	коряки	4
7.	хакасы	4
8.	киргизы	2
9.	айны	1
10.	армяне	1
11.	казахи	1
12.	тувинцы	1
13.	национальность неизвестна	3
	итого	695

Сведения об авторах

Борисов Руслан Валентинович	старший инженер	Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
Ганзей Кирилл Сергеевич	заместитель директора, кандидат географических наук	Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
Картавец Кирилл Сергеевич	аспирант	Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток
Киселева Алена Геннадьевна	научный сотрудник, кандидат биологических наук	Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
Латушко Юрий Викторович	заведующий центром, кандидат исторических наук	Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток
Пшеничникова Нина Федоровна	старший научный сотрудник, кандидат биологических наук	Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
Родникова Илона Мироновна	старший научный сотрудник, кандидат биологических наук	Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
Татаренкова Наталья Александровна	начальник отдела сохранения историко-культурного наследия	Государственный природный биосферный заповедник «Командорский» им. С.В. Маратова», о. Беринга, с. Никольское
Яншина Оксана Вадимовна	старший научный сотрудник, кандидат исторических наук	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург

Содержание

Латушко Ю.В.	Вместо введения: биогеографический и культурологический подходы к исследованию островных обществ	3
Родникова И.М., Киселёва А.Г., Ганзей К.С., Пшеничникова Н.Ф.	Разнообразие островных геосистем и их компонентов как показатель влияния природных факторов и хозяйственной деятельности	14
Борисов Р.В., Ганзей К.С.	Изменение эколого-хозяйственного баланса и перспективы рекреационного освоения островов архипелага Императрицы Евгении	22
Яншина О.В.	Культурные связи Сахалина в эпоху неолита	31
Татаренкова Н.А.	История песцового промысла на Командорских и Алеутских островах	47
Картавцев К.С., Латушко Ю.В.	Соотношение социальной и этнической идентичности у командорских алеутов	65

Научное издание

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОСТРОВНЫХ ОБЩЕСТВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(сборник материалов)

Выпуск 1

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Тексты приводятся в авторской редакции.

Электронная верстка, техническое обеспечение

Отдел информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Формат 70х90/16. Усл. печ. л. 4,42

Тираж 100 экз.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
690950, Владивосток, Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru